

СЕЛЕСТИНА СКАЎ

ПЕСИЊ
ЭРИДАНА

СВЕТ ВО ТЬМЕ

Селестина Скай

Песнь Эридана. Свет во тьме

«Автор»

2024

Скай С.

Песнь Эридана. Свет во тьме / С. Скай — «Автор», 2024

Для Лаванды Вуд, обычной девушки из штата Орегон, две темы были всегда под запретом: все, что касалось ее матери и музыка. Никаких вопросов про мать, никаких песен. Честно соблюдая правила отца целых восемнадцать лет, случайно узнав имя своей матери в день рожденья, она решает их нарушить. Но, может быть, она зря это сделала? Всего лишь одна песня — и жизнь девушки оказалась в опасности. Ведь Лаванда не знала, что она — спеллсингер. Одно ясно точно: впереди Лаванду Вуд ждёт сложный выбор. Обложка создана с помощью Playground AI.

Содержание

Часть 1. Их запреты	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Селестина Скай

Песнь Эридана. Свет во тьме

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми, живыми или мертвыми, случайны.

Музыка – это самый сильный вид магии.

Мэрилин Мэнсон

Часть 1. Их запреты

Глава 1

Я не могла больше этого терпеть. Отец в который раз перегнул палку. И это в такой день! В мой день рождения!

Я была вне себя от злости и еле дождалась, пока он соберется на работу. Закинув на плечи заранее собранный рюкзак, который уже ждал своего часа, я взяла велосипед и гордо выехала из Феникса в сторону Эшленда. Может быть, мне хватит сил крутить педали до самого Национального памятника Каскад-Сискию. Каким отбитым станет за эти четыре часа мое мягкое место я не хотела даже думать.

Мне просто нужно было выпустить пар. Отмечу свой день рождения в полном одиночестве в горах. Все равно на вечеринку собираются прийти только Эмма и Уильям.

Нет, отец не бил меня или что там ещё бывает. Я скривилась от таких мыслей, посетивших меня. Но он запрещал нам с Лиамом все, что касалось музыки. Мы не могли ходить в музыкальный класс, не могли играть в группе, да что уж там, не могли даже напевать себе под нос!

Пока я была маленькой, я принимала этот запрет как должное. Но чем дальше продвигалась стрелка на моих личных часах, тем труднее мне было с этим мириться. Особенно, когда вокруг все пело.

Я видела различия. Весь мир вокруг словно издевался надо мной: друзья в школе создавали музыкальные группы, ходили в клубы, давали мне послушать новые хиты.

Но я, вероятно, и дальше терпела бы, если бы сегодня, в нашей словесной перепалке отец не обмолвился вскользь о том, что запрет на музыку связан с моей матерью. Конечно же, я сразу взвинтилась. О двух вещах в нашей семье запрещалось говорить: о музыке и о моей матери.

Все, что мы с Лиамом знали о ней, так это то, что после рождения моего младшего брата она умерла. Долгое время отец прятал наши свидетельства о рождении, и мы не знали даже ее имени. До сегодняшнего дня. А теперь я знаю, что ее звали Элизабет.

Я не нарушала запреты отца ни разу за восемнадцать лет. Старалась быть хорошей дочерью. Но я никак не могу понять – почему? Почему он никогда не говорил с нами о ней? Почему у нас нет ни одной ее фотографии? Почему отец просто молчал, когда мы с Лиамом задавали, очень-очень редко, вопросы о ней? Все это терзало меня изнутри.

Все во мне кипело, я была так зла, что даже не заметила, как проехала Талент.

Зимой в Орегоне иногда выпадал снег и быстро таял, но чаще, начиная с конца октября и до конца апреля, Феникс и ближайшие к нему города по погоде напоминали Лондон: дожди и пасмурное небо.

Я почувствовала, как в моем теле потихоньку нарастает жар. Кости ломило. Только этого не хватало. Надо же было выбрать именно этот день! Неужели я успела заболеть меньше, чем за полчаса езды? Я покачала головой. Вероятность того, что я смогу успокоиться в горах, таяла на глазах. Но мне необходима была передышка. Я стала крутить педали быстрее. Я надеялась, что смогу увидеть там немного больше снега, чем здесь.

Дождь усилился, и я разрешила себе немного отдохнуть, когда увидела вывеску «У Руби». В животе урчало, жар разгорался, вдобавок ко всему меня начало трясти как осиновый лист на ветру. Я зашла внутрь и сразу же обратила внимание на черную меловую доску «Добро пожаловать к «Руби»», на которой было вывешено меню. Мои губы скривились сами собой, когда посреди доски на третьей строке я увидела надпись «Венди буррито». Я терпеть не могла это имя. «Венди» – так меня называл отец. Но мне нравилось исключительно Лав. Или, на

крайний случай, но не для всех, – Ви. Или пусть вообще не сокращают! Называя, как есть – Лаванда. Но только не Венди, пожалуйста.

Я взяла горячий какао и лепешку с фалафелем. Если я заболела, то, наверное, не стоит пить холодные напитки. Сделав пару глотков какао, я поняла, что совершила ошибку. Все мое тело горело. Наоборот, мне срочно нужно было выпить чего-то, что меня охладит. И этим чем-то стала диетическая кола.

Быстро перекусив, я вышла, осознавая, что вся моя решимость посмотреть на горы под этим дождем растворяется с каждой минутой. Боясь совсем раскиснуть в тепле, я решила не останавливаться в кафе надолго.

Проезжая по Эшленду, я пыталась бороться с собой. Я ни разу не пела за восемнадцать лет, и сейчас мне сложно было просто открыть рот и начать петь во все горло. Дело было не только в банальном стеснении, но и в нем тоже.

Однако, когда я выехала из Эшленда, несмотря на усталость, температуру, и, вероятно, болезнь, – вдохновение, скопившееся за все эти годы выплеснулось из меня, и я начала пропевать все те хиты, которые мне давала послушать Эмма Орtiz, моя лучшая подруга. Она знала о запрете моего отца, но все равно тайком подсовывала мне свой айпод нано.

Мой телефон завибрировал. Долго ждать не пришлось.

«Ты где?», – вот и сообщение от Эм.

Черт. Я забыла написать Эмме, чтобы она отмазала меня по всем фронтам.

«Сбежала в Эшленд праздновать сладкие восемнадцать! Прикроешь?! Не хочу, чтобы Уильям увязался за мной, хочу крышечносно развлечься одна».

«Ты ведь это несерьезно? Сбежала отмечать без меня?!».

«Еще как серьезно. Мне нужна передышка. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста».

«Я тебе это припомню, засранка. Но окей. Уильяма сегодня нет на занятиях, так что за него не ручаюсь».

Черт! И где он может быть? Вдруг мой-типа-парень заболел, а я даже не знаю об этом? Или готовит мне сюрприз ко дню рождения? «Типа парень» – потому что, когда ты в настоящих отношениях, тебя целуют, в том числе, по-настоящему, и случается разное, побольше, чем просто поцелуи. Сегодня мне исполнилось восемнадцать, и об этом «побольше» я могла, видимо, только мечтать. Потому что Уильям даже ни разу не поцеловал меня. Эта его вечная песня: «Куда нам торопиться?», «Твой отец меня убьет», «Сначала нужно оформить наши отношения». Какие отношения? Которых нет? Ну ладно, я перегнула, они все же есть – дружеские. Но дружеские отношения государство не регистрирует.

Если честно, я даже не знаю, что чувствую к Уильяму. Он красивый: высокий парень, телосложением похожий на самого Апполона, с золотистыми кудрями и ямочками на верхней части щек, которые появляются почти под самыми глазами, когда улыбается. Он единственный парень, которого одобрил мой отец. Наверное, как раз из-за вечного «куда нам торопиться» и отсутствия этого самого, о чем мне остается только мечтать.

Многие девчонки в школе не понимают, что такого нашел во мне Уильям, что предложил встречаться именно мне, а не им. Я рыжая, мелкая, обожаю синие клетчатые фланелевые рубашки (особенно с капюшоном) в цвет моих глаз и джинсы. Я не так популярна, как Уильям. Скорее, невидимка. Одним словом – он мне не ровня. Даже мне порой непонятно, почему он нянчится со мной.

В какой-то момент шоссе начало казаться бесконечным. Солнце все чаще выглядывало из-за туч и ослепляло. Я пожалела, что мне не хватило ума положить в рюкзак жаропонижающие таблетки. Или у меня все же осталась парочка? Температура не хотела снижаться, несмотря на прохладу, стоящую в воздухе.

Когда мимо меня проехал школьный автобус, я удивилась: не время для него. Но потом поняла, что это экскурсионный, и продолжила предаваться раздумьям, периодически останавливаясь.

ливаясь, чтобы свериться с картой. Сейчас по автомагистрали ехало не так много машин, и идеальная велосипедная дорожка радовала меня. Сосны и ели вставали справа все более высокой стеной. После одного из поворотов солнце стало таким ярким, что я пожалела, что не надела темные очки. А ещё мне показалось, что несмотря на то, что был декабрь, на небе появилась радуга. Или даже радужный купол? Ну вот, кажется мне совсем плохо. Я, видимо, брежу от температуры.

А ещё я насчитала уже четыре машины с номером, в котором были три семерки в ряд. Эта цифра меня преследует. Во всем, что связано со мной всегда есть семерка. И это, в прямом смысле, началось с моего рождения. Я родилась седьмого декабря. Мы живем на Колвер Род четыре один два семь. Номер моего шкафчика в школе – семнадцать. И, кстати, сегодня как раз мой день рожденья.

Через некоторое время, когда ноги уже начали наливаться свинцом, я поняла, что ехать по автомагистрали пять было плохой идеей, и свернула обратно в Эшленд, чтобы потом выехать на знаменитое шестьдесят шестое шоссе. Я проехала небольшое ранчо, летнюю школу, обогнула часть Эмигрантского озера и уже подъезжала к институту Селберга, когда вдруг начался сильный ливень.

И тогда меня осенило: я ехала сюда именно ради этого момента. Какая-то непреодолимая мистическая тяга заставила меня оставить велосипед у обочины и пойти сквозь еловый лес к озеру. Вот он мой шанс – совершить что-то абсолютно сумасбродное, дикое, выходящее за рамки этих вечных дурацких правил.

Я на секунду замерла, любуясь соснами и елями вокруг. Недавно выпавший снег таял на глазах. Я рассмеялась и подставила лицо каплям дождя. Я прыгала и кружилась совсем как маленькая, раскинув руки в стороны. А затем, наконец, вдохнув полной грудью свежего зимнего воздуха, напоенного ароматами орегонской хвои, запела в полный голос:

*Музыка – это мы,
Когда сердце твое поет,
Раздвигая границы тьмы,
Просто иди вперед!*

Я почувствовала, что горю. Жар достиг своего предела и должен был выплеснуться вовне. Я надеялась, что дождь охладит меня, но этого не произошло.

Мое тело засветилось, словно миллиард звезд. Свет вытекал из меня, разливаясь в воздухе поляны крохотными искрами. Наверное, это все происходило не наяву. Видимо, я бредила.

Уголкем глаза я вдруг заметила, что за границами Света, который выливался из меня, потемнело. Там была тень. Черная, огромная тень. Волоски на моей коже встали дыбом. От какого-то первобытного страха желудок завязался в тугой узел. Справа от меня тоже кто-то был. Высокий парень смотрел на меня сквозь чуть заснеженные ветви елей и пихт с неподдельным ужасом. Его глаза были еще синее, чем мои. Я никогда раньше не видела таких ярких сапфировых глаз. Я не могла оторвать от этого чарующего синеглазого брюнета взгляд. На нем был какой-то костюм, состоящий из полупрозрачных переливающихся сине-фиолетовых чешуек. Или мне показалось? По его рукам от запястий вверх вращались золотые витые магические символы. Такое я видела только в кино.

А то, что произошло дальше, вообще не вписывалось ни в какие рамки разумного. Сине-фиолетовый дракон взмахнул крыльями, издав низкий утробный рык, и тень исчезла. А я вдруг почувствовала себя полностью опустошенной. Мой Свет померк, а потом и вовсе рассеялся. Все вокруг закружилось, ноги стали ватными. Я ощутила, что падаю. Опустив взгляд вниз,

я успела заметить, что мои руки от запястий вверх тоже оказались окутаны золотой вязью, которая сияла.

Кажется, этот парень успел подхватить меня, и мы вместе рухнули на заснеженную декабрьскую траву.

Глава 2

Я открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого орегонского солнца. Оно всегда здесь такое, необычное, неповторимое. Если передо мной положить сотню фотографий из разных мест, я всегда точно узнаю, где именно на них Орегон – по этому солнцу. По рассветам и закатам. Они в Орегоне такие, каких не встретишь нигде больше на Земле. Несмотря на то, что Феникс – маленький город, я хотела бы и дальше жить здесь.

Дверь моей комнаты была закрыта не полностью, и я услышала голоса отца и Уильяма.

– Я боялся, что это произойдет.

– Главное, что она жива, она здесь. Я привез ее, мистер Вуд, как мы и договаривались. Вам не о чем волноваться.

– Ты умный парень, Уильям. Парень моей дочери. Поэтому я плачу за это именно тебе.

Платит за что? Я старалась ничем не выдать то, что больше не сплю. Отец что, только что сказал, что платит Уильяму за то, что он – мой парень? Этого не может быть. Я зажмурилась еще крепче. Я думала, что невозможно почувствовать себя еще более жалкой, но, видимо, это не так.

– Скажи-ка мне вот еще что, парень, они спали вместе?

Я услышала, как голос Уильяма дрогнул, когда он прочистил горло.

– Да.

Я услышала тяжелый вздох отца, а потом звук от удара кулаком по столу.

Ну все, с меня хватит. Я резким движением скинула с себя одеяло и выбежала в гостиную. Кто-то меня переодел во фланелевую пижаму. Заметив это, я закатила глаза. Надеюсь, это был хотя бы Уильям?..

– Папа! Как ты можешь спрашивать о таком? Я ни с кем не спала, даже с ним! – Я зло ткнула в Уильяма пальцем. – И даже если бы я с кем-то переспала, ты не имеешь права так бесцеремонно лезть в мои дела! Мне исполнилось восемнадцать!

Внезапно на меня нахлынули недавние события. Сколько я проспала? День? Два? Что там вообще произошло? Что это был за парень? Там правда был дракон? Видел ли все это Уильям?

Боль пронзила мои виски, словно молнией, и я их потеряла, присев на край дивана.

– Нечего подслушивать чужие разговоры, дочь, – строго отрезал Дэвид. – Никто не говорил о тебе.

На секунду во взгляде Уильяма промелькнуло удивление, и я успела перехватить этот взгляд. Раз отец решил сыграть в такую игру, я позже поговорю с Уильямом наедине. Благо, наедине мы оставались часто и много.

– Как ты вообще нашел меня, Уильям? – Я решила переключиться на парня, сочтя из этих двоих слабым звеном его. – Скажи честно, неужели Эмма так волновалась за меня, что рассказала тебе, куда я еду?

– Что? Эмма? Нет, Ортиз ничего мне не говорила. Проще спросить рыбу, чем ее. Та хотя бы булькает. Эмма никогда тебя не сдаст.

Да, зря я даже на секунду в ней засомневалась. Уж она-то, действительно, меня не сдаст. Я выжидательно сверлила Уильяма взглядом.

– Да я ещё вчера понял, что у тебя накипело. Было лишь вопросом времени, когда у тебя окончательно сорвет котелок. Поэтому, почувствовав неладное, я с утра наблюдал за вашим домом. А как увидел, что ты взяла велик, рюкзак и уехала, я сел в свой Фолькс и выехал сразу за тобой. Ты крутила педали как сумасшедшая!

– Спасибо, Уильям! – зло ответила я.

– Могла бы и поблагодарить его за то, что он спас тебе жизнь.

Я выразительно посмотрела на отца.

– Он спас мне жизнь?! Нет, не он! А тот парень, который...

– Который что? – не дал мне договорить отец, и я на секунду замешкалась.

– Который превратился в дракона, – жалким тихим дрожащим голосом договорила я.

Брови отца взлетели вверх.

– Там была только ты. Уильям сказал, что ты врезалась в дерево и потеряла сознание.

Когда он поднял тебя, у тебя был жар. Мне пришлось сдать твой велосипед в ремонт. Наверное, тебе стало плохо и ты потеряла управление...

Я с недоверием посмотрела на отца. Он кивнул в сторону зеркала, которое висело над камином. И я подошла к нему, напряженно разглядывая свое отражение. Теперь мой лоб ровно по центру украшал пластырь. И когда я успела? Всего лишь пластырь, а это, наверное, значит, что шрама не останется. Я провела пальцами поверх него, чтобы удостовериться, что там точно что-то есть. Голова болела, но не в области лба, а в области висков.

– Тогда могу я узнать, о ком вы говорили с Уиллом, когда я...

Складка между бровями отца смягчилась. Он махнул на меня рукой.

– Спроси у своей Эммы и ее дружка Питера Дастингса сама.

Я хотела пнуть ножку журнального столика, но вместо этого наступила на хвост нашему Баллерофону на хвост. Черный кот жалобно замяукал, а потом, обидевшись, залез на шкаф. Я виновато пожала плечами.

Колокольчик в прихожей звякнул, и через пару минут в гостиную зашел Лиам. Увидев наши напряженные лица, он поднял руки, давая понять, что узнает обо всем позже и в более спокойной обстановке, чем сейчас, и быстро, как мог, юркнул к себе в комнату.

А я ощутила, как кончики пальцев начало покалывать. Покалывание распространилось сначала на кисти, а затем – на запястья. Это неприятно нервировало. Я взяла клетчатый плед, и, выйдя в сад, села на качели. Уильям ушел к себе не попрощавшись. Думаю, это ненадолго. Он скоро снова окажется возле меня, как верный сторожевой пес.

Но первой оказалась Эмма. Она аккуратно закрыла за собой деревянную калитку и подойдя к качелям, устроилась рядом со мной.

– Ты не ответила ни на одно мое сообщение, с тех пор как написала, что сбежала в Эшленд. Я беспокоилась. И сдавать тебя отцу и Уильяму не хотелось. Поэтому я решила пройти мимо твоего дома и разведать обстановку, – Эмма разглядывала пластырь на моем лбу, безуспешно пытаясь контролировать тревогу.

Я поняла, что не чувствую чего-то негативного после вчерашнего, хотя, наверное, должна. Кроме нервующего меня покалывания, я чувствовала приятное волнение. В моем животе порхали бабочки... Кажется, и в голове тоже.

– Меня привез Уильям. Сколько прошло времени с моего последнего сообщения?

– Уильям? Как он узнал, где ты? Что с тобой случилось? Прошло чуть меньше суток. На твоем велосипеде зимняя резина?

– Оказывается, он ехал за мной с самого начала. А насчет того, что случилось... Я не уверена. И в этом-то и есть проблема.

– Как это – не уверена? – удивленно переспросила Эмма.

– Мне кажется, что моя версия случившегося расходится с версией Уилла. – Со стороны мой голос был каким-то потерянным.

– Окей... Давай начнем с твоей версии. Что случилось, Лав?

– На самом деле, я собиралась не в Эшленд, а в Каскад Сискию, и поэтому, проехав Эшленд, доехала почти до института Селберга, как вдруг начался дождь. Мне показалось, что по дороге я успела простыть, затемпературила, но я ехала в горы ради того, чтобы вдохнуть полной грудью. Когда начался ливень, я поняла, что вон он, тот самый момент! И мне даже не нужно ехать дальше.

Казалось, Эмма проглатывала каждое мое слово и не обиделась за то, что я не сказала ей правду о том, куда на самом деле собиралась ехать. И я продолжила:

– Я пошла в лес возле Эмигрантского озера. Мне вдруг так захотелось пойти именно туда! Я танцевала там на поляне под дождем... А еще, – мне пришлось понизить голос до шепота, – я всю дорогу пела. И там, на поляне, тоже. Я танцевала под дождем и пела. Ты даже не представляешь как это было нереально классно!

Эмма удивленно вытаращилась на меня.

– Я думала, ты никогда не решишься нарушить этот дурацкий запрет.

Опустив момент, где из меня буквально фонтанировал свет, я продолжила все также шепотом:

– А потом я увидела чью-то тень. Огромную тень. Очень черную, не такую, как обычные тени, и я испугалась. До чертиков испугалась, Эм. Это было реально жутко. А потом заметила его.

– Кого? – нетерпеливо заерзала Эмма.

– Синеглазого брюнета. Он, – я нервно сглотнула и набрала побольше воздуха, чтобы мне хватило смелости проговорить это, – превратился в дракона. И победил черную тень.

– М-м-м... Звучит романтично! – улыбнулась Эмма. – И что дальше? Откуда пластырь на голове?

– Потом у меня закружилась голова, и я стала падать. Этот парень-дракон мгновенно оказался возле меня, смягчив падение. Но я с этого момента ничего не помню. Возможно, потому, что ударились головой о камень. Ну, каков вердикт?

– Нет, подожди. Давай теперь версию Уилла.

– Да тут и рассказывать, если честно, нечего. Он говорит, что ехал за мной всю дорогу, а потом мне стало плохо и я врезалась в дерево. Отсюда и пластырь.

– Ладно, давай подведем итог. В ваших рассказах есть общая черта – ты стукнулась головой, – хитро прищурившись, констатировала Эмма.

Я пихнула ее в бок.

– Буду честной, Лав... Твой рассказ более романтичный и остросюжетный, чем у Уилла, что логично, учитывая то, кем ты собираешься стать, но...

– Но? – не выдержала я.

– Синеглазый брюнет, который превратился в дракона? Победил тень? Я не говорю, что этого не было, но звучит как-то дико, понимаешь?

Я согласно кивнула, проглотив подступивший ком к горлу.

– А это что? – зашипела на меня подруга, схватив за запястье. – Ты набила татуху в Эшленде? Твой отец явно еще не видел! У него же башню сорвет! Зачем ты провоцируешь его? – Эмма, прости, но замолчи на минутку!

Я испуганно таращилась на запястье. На нем проступила красивая кельтская вязь.

– Господи, ты что, и это не помнишь, как сделала? – С ужасом посмотрела на меня Эмма, покачав головой. – Это и был твой крышесносный отдых? Чего ты ещё не помнишь?

Я натянула рукав кофты так, чтобы тату не было видно.

– Слушай... Ее не было с утра, ясно? В это ты тоже, очевидно, не поверишь, поэтому давай сменим тему. Ты и Питер Дастингс.

Я и не ожидала от Эммы, что она поверит в мой рассказ, даже несмотря на то, что она – моя лучшая подруга. Она ведь не сумасшедшая, чтобы поверить в такое! Я бы на ее месте точно забеспокоилась.

– Что я и Питер Дастингс?

– Уилл сказал отцу, что вы переспали!

– Что? Я думаю, он так решил, потому что... – Эмма запнулась, – Я сказала, что тебя прикрою, но в этот раз я тебе бесстыдно наврала, – опустила глаза Эм. – Меня саму нужно было прикрывать. Меня тоже не было в школе.

– Так это правда? Вы...

– Господи, Лав, нет!

– Эм, а что такого? Разве он тебе не нравится?

– Нравится. Но дело не в этом! Ты сама прекрасно знаешь. Все должно быть по любви!

– Как будто ты его не любишь, – буркнула я. – А где ты была, раз не в школе? – Я провела пальцами по бирюзовым доскам качели. – И как ты узнала, что Уилла не было?

– Питер отвез нас на озеро Агат. Со мной тоже произошло кое-что странное. Конечно, не парень-дракон, но... И ты ещё спрашиваешь как? Весь наш девчоночий чат мигом трезвонит о том, если Уильям пропустил хотя бы день.

Я улыбнулась. Хорошо, что странности происходят не только со мной.

– Я бы на твоём месте дико ревновала, – заметила Эмма.

– Выкладывай, – заговорщицким тоном приказала я, проигнорировав ее замечание.

– Несмотря на то, что сейчас далеко не сезон, мы захотели искупаться. И, сразу в оправдание скажу, что не мы одни! – Подняла руки в защитном жесте Эм. – Мы плавали и вдруг возле меня появился щетинистый плавник. Я вглядывалась, вглядывалась, испугалась, думаю: «Ну что это за рыба огромная может быть?!». Меня всю трясло от страха, я запрыгнула на Питера, и вдруг вокруг нас их стало много. Питер как закричит: «Кабаны! Дикая кабаны!» и мы с остальными опрометью бросились из воды. Похватали свои полотенца и полуголыми бежали до остановки автобуса. Да, представляешь, мы поехали не на машине!

Я заржала как сумасшедшая.

– Да, мой парень-дракон по сравнению с дикими кабанами, которые уж точно существуют, – это мелочи! – утирая слезы от смеха из уголков глаз, сообщила я. – Вы реально чокнутые! Разве озеро не замерзло?

– А мне не было смешно! Представляешь, я, как назло, надела тот древний фамильный бабушкин кулон. И когда мы бежали к остановке, поняла, что кулона на мне уже нет. Я уговорила Питера вернуться за ним. И кстати, нет, озеро не замерзло до конца.

– Вау! И он согласился? А как же кабаны? Разве это не странно, что они тоже решили искупаться в ледяной воде?

– Да, он согласился и да, это все странно, – покраснев, ответила Эмма. – Когда мы дошли обратно, кабанов там уже не было. Но и кулона по пути мы не нашли. Питер нырял в озеро до посинения, но и там ничего. Он хотел меня развеселить, говорит «теперь кулон твоей бабушки носит упитанный кабанчик». Да только мне от таких шуточек врезать ему захотелось! Но это ещё не все.

Я вскинула брови.

– Нырял ради тебя в ледяную воду! Разве *это* не любовь?

Я помахала рукой, призывая Эмму рассказывать дальше, но в этот момент увидела, что Уильям стоит, прислонившись к нашей иве, поигрывая мечом для тенниса.

– Ты не вовремя, – зашипела на него я. – Ещё и часа не прошло!

– Да ладно, Лав. Я и при нем могу разговаривать, я привыкла, что он – словно твоя тень.

Уильям посмотрел на Эмму, прищурившись, а потом продолжил подкидывать мяч, как ни в чем не бывало.

– В-общем, Питер сказал, что помогал отцу разбирать бумаги в здании старой почты и нашел там стопку неотправленных писем от моей бабушки по линии отца, адресованных моей матери.

– О, – удивилась я. – Неожиданно. Разве они такое не утилизируют?

Эмма пожала плечами.

– Не знаю, почему эти письма не были отправлены. Не знаю, как они там сохранились.

«Какая же я была тогда идиотка,

что сказала Диме, что тебе надо сделать аборт. Теперь у меня есть Танечка, ей год и три, и она такая милая... Я души в ней не чаю. Жаль, что вы с Димой не вместе. Но хорошо, что ты ни его, ни меня не послушала, и твоя дочь, моя внучка – жива. Спасибо тебе за это»,
– развернув пожелтевший лист, бегло прочитала Эмма.

Моя подруга была родом из русской семьи, эмигрировавшей в Орегон. В Эшленде у русских есть свой небольшой район. Они ежегодно устраивают ярмарки и надевают на голову яркие платки с цветочными узорами.

– Ты отдашь их своей матери? – спросила я глухо.

– Да. Наверное отдам, – робко улыбнулась Эмма, пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами.

Я вдруг ощутила ни с чем не связанную тоску. Запястье опять начало покалывать иголочками. Но я старалась не касаться его, чтобы не выдать татуировку Уильяму. Он – мой парень, но после этого разговора с утра я не знаю, можно ли ему доверять.

Глава 3

Я неожиданно для остальных, как впрочем и для себя, встала с качелей, и подошла к Уильяму. А потом уперла свои руки в ствол ивы рядом с его головой так, что он оказался заперт между ними.

Эмма пораженно смотрела меня, чуть качая головой. Кажется, она не советовала мне делать то, что я как раз собиралась. Но с меня хватит. Я хочу прояснить все с Уильямом прямо здесь и сейчас.

– Поцелуй меня, или проваливай, – медленно, но с вызовом произнесла я. – Я не верю ни единому слову, сказанному тобой при мне моему отцу.

Я надеялась, что Уилл не будет играть в дурачка.

– Лаванда... Ты же знаешь, мы не должны этого делать, тем более здесь, – Уильям смотрел сквозь меня на окна моего дома.

– Хватит этих отговорок! Целуй или проваливай. Я тебе нравлюсь? Почему ты решил со мной встречаться?

– Лав... Это все из-за разговора с утра? – Уильям смотрел в сторону.

– Уильям! – Я потеряла терпение.

Он повернулся ко мне и легко коснулся своими губами моих.

– Довольна? Тебе нужно было подтверждение? Ты мне нравишься. Мы продолжаем встречаться.

Я опешила. Если честно, я ожидала, что он, наконец, поцелует меня по-настоящему. Особенно после моего ультиматума. А это? Что это вообще было?

«Мы продолжаем встречаться», – а меня он спросил?

Я убрала руки от его головы, фыркнула и убежала в дом. На что я надеялась? Что буду парить от счастья от того, что он меня поцелует? Вместо этого мне было больно. Мое сердце разрывалось. Очевидно, я его не люблю. Но если не любишь, может ли так болеть сердце от нелюбви? Не первый поцелуй, а настоящее недоразумение.

Эмма вбежала вслед за мной.

– Зачем ты это сделала?

– Потому что мне надоело жить во лжи, Эмма! Я хочу настоящих чувств, настоящей жизни! Я не хочу, чтобы мой отец платил моему парню за отношения со мной! Я хочу музыки! Танцевать под дождем! Я хочу, чтобы моя жизнь была похожа на эту музыку: дышать и не надышаться, понимаешь?

– Стоп, что ты сказала? Твой отец платит Уиллу за то...

– Они не заметили как я проснулась, и я услышала что-то такое, – нехотя пояснила я.

– В смысле, ты опять не уверена? – уточнила Эмма, недовольно цокнув.

– Отец сказал, что я не так поняла их с Уиллом разговор. – Я пожалала плечами.

– Ясно, – отрезала Эм, прожигая меня взглядом.

Я помассировала виски.

– Ладно, Лав. Мне пора. Оставлю тебя ненадолго повариться в собственном соку.

Эмма чмокнула меня в щеку.

– И отвечай на мои сообщения! – Подруга махнула мне рукой.

Я изобразила подобие кивка и улыбки. И так, мне надо успокоиться. Я включила гирлянду возле кровати. Что я сама-то думаю насчет всего этого? Кому я верю – себе или Уильяму? Ответ довольно прост – себе. Я не знаю, какая выгода Уиллу в том, что он не рассказал отцу о том, что случилось на самом деле. Ведь, понятное дело, он нашел меня ни у какого ни у дерева, а в объятиях другого парня. Возможно, Уилл действительно хочет продолжать наши

«отношения», поэтому решил скрыть это. Он же не думает, что мы там с этим парнем-драконом переспали? Или думает? Какой стыд. Или нет...

Но при мыслях о парне-драконе мое сердце мгновенно потеплело. Что это была за тень? Почему этот парень вступился за меня? Почему рисковал своей жизнью? Было ли это настолько опасным, насколько опасным казалось мне?

Я пообещала себе, что завтра я обязательно куплю себе наушники. Если бы я сейчас могла включить музыку – мне бы думалось проще, я в этом уверена. Но если бы я была в наушниках, то не услышала бы того, что услышала сейчас.

В нашем доме кроме отца и Лиамы кто-то был. И этого кого-то я не знала. Что само по себе было чем-то невероятным. Наш круг общения не менялся от году к году. Я испугалась, что это может оказаться полиция. Ведь, по словам Уильяма я врезалась в дерево.

Я тихонько приоткрыла дверь и увидела, что Лиам тоже стоит у стены гостиной. Он, заметив меня, поднес палец к губам. Я встала у стены возле него, вопросительно приподняв брови. Лиам ответил растерянностью, пожав плечи. Он тоже не знал, кем был этот незнакомец.

– Не будьте столь наивным, Дэвид. Пташке стукнуло восемнадцать. Нами не остался незамеченным ее выплеск силы. Она должна выбрать правильную сторону.

– Что значит – выбрать?! Кем бы она ни была, она уже Хранительница по праву рождения, и вы обязаны передать ей Песнь. Я обещал Элизабет. Только ради этого мы до сих пор остаемся здесь.

Мы с Лиамом переглянулись. Незнакомцу на вид было больше пятидесяти лет. Его белые волосы были слишком аккуратно собраны в хвост. Поверх голубой рубашки он надел черный кожаный жилет. На рукавах и воротнике рубашки я рассмотрела вышитые спирали.

– Что-то вы не слишком хорошо держите свое обещание. Пташка не готова вырваться из гнезда. Мы наблюдали за ней. Вы, Дэвид, ничего ей не рассказывали. Вместо того, чтобы развивать ее голос, вы запретили ей им пользоваться. На что вы надеялись?

Речь точно шла обо мне. Я прикрыла глаза. Меня замутило. Кто этот человек? Лицо Лиамы было напряженным.

– На то, что ей никогда не придется использовать Песнь. Разве вы не это пропагандируете? «Врата должны оставаться закрытыми». Так зачем тогда обучаете каждого Хранителя знанию, как их открыть? Не проще было бы забыть эту самую Песнь, чтобы никто и никогда больше не смог ей воспользоваться?

– Вы до сих пор вините нас в смерти вашей жены. Ты винишь меня, Дэвид.

Я вся обратилась в слух. Плевать, даже если отец застанет меня второй раз за день за подслушиванием. Речь шла о нашей матери. Второй раз за два дня. Я и с места не сдвинусь! Я хочу знать все, что может сказать этот человек, и не важно, знаю ли я его.

– Ты считаешь, что, если бы она не получила бы от нас Песнь, то Пожиратели...

– Я хочу, чтобы вы покинули мой дом. Когда я решу, что Лаванда готова, я сам приведу ее к вам. А пока – вон. И не произносите здесь больше этих слов! Или я за себя не ручаюсь! Ты прекрасно знаешь, что дело не в Пожирателях, Эдвард!

Мы с Лиамом быстро вбежали в его комнату, в которой он, в отличие от меня, предусмотрительно оставил открытой дверь.

– Черт, что все это значит, Венди? – зашипел на меня Лиам.

Если бы я знала!

– Если ты ждешь, что я разжую тебе это, словно урок английского, то не надейся! – шепотом прикрикнула я на него.

Отец вышел во двор и, вытащив из гаража мотоцикл, начал заниматься им. Учитывая, что он не притрагивался к нему уже много лет, что-то точно было не так.

Я хотела уйти обратно к себе в комнату, но Лиам схватил меня за руку.

– Подожди, Вен...

Лиам явно хотел сказать мне что-то другое, но только до тех пор, пока не увидел татуировку на запястье.

– Ты что, сделала татуировку? – сказал он очень тихо и лукаво улыбнулся.

Я непонимающе посмотрела на него. Он что, не собирается сдавать меня отцу?

– Так-так, моя старшенькая отвязная сестрица... Тайна за тайну?

Это же легче простого. Я, в отличие от него, никогда не сдавала его отцу.

– Окей, – согласилась я. – Но я, вроде бы, не собиралась ни на чем тебя подлавливать.

– Это пока, Венди. Это пока... Наша с тобой договоренность – долгосрочная. Однажды, а может это случится скоро, я попрошу тебя сохранить свой секрет.

У меня засосало под ложечкой. Звучало немного жутковато.

– Надеюсь, ты никого не собираешься убивать? – нервно засмеялась я.

Лиам покрутил в сторону поля невидимой шляпы и чуть поклонился мне. Я сглотнула. Почему у меня возникло такое ощущение, будто бы я влипла по уши?

Я страдальчески застонала. Лиам проследил за мной взглядом до самой двери. Мой живот призывно заурчал, и я поняла, что сегодня даже не завтракала. В надежде найти на кухне хотя бы пару приготовленных сэндвичей, я отправилась туда. Из нас троих обычную еду сносно готовил только Лиам. У меня же отлично получалась исключительно сладкая выпечка. В итоге к ожидавшим меня на столе сэндвичам я решила добавить грушевый коктейль. Наверное, груша – самый популярный фрукт в Фениксе. Больше всего мне нравятся хрустальные и груши-гиганты. Самые сочные сорта!

Печь меня научила бабушка. Я ее очень люблю, но, к сожалению, родители отца живут в Шервуде, поэтому их мы с Лиамом видим только в каникулы.

Перекусив, я отправилась обратно к себе в комнату. Подойдя к окну, перевернула висевшую на нем картину с совой. Эта картина была нашим тайным сигналом с Эммой. Если она была повернута обратной стороной, и совы не было видно, то это означало, что сейчас ко мне лучше не приходить: отец не в духе. А если «лицом к миру» – прямое приглашение в гости. А теперь я повернула ее, потому что и я и сама не в духе. Или может, наоборот как раз в нем? Странно, но постоянное чувство, будто бы я не в своей тарелке, сопровождавшее меня с самых ранних лет, улетучилось. Оно словно вытекло с первыми каплями света на поляну, освободив меня. Со светом пришло облегчение. И предвкушение. Все во мне трепетало, словно ожидая чего-то.

Цветы пора бы полить. Я сходила в ванную, набрала воды в стакан, и, убедившись, что отец все еще во дворе, начала тихо напевать. Танец под дождем словно освободил меня. Я больше не перестану петь!

Почти погасшее покальвание в руках разгорелось с новой силой. Я посмотрела на запястье, опасаясь, что появятся ещё рисунки. Но ничего такого не происходило. Мое внимание привлекла фиалка. «Звездный покров», – так назывался ее сорт, – на моих глазах выпустил цветок. А потом ещё один, и ещё.

Я испуганно отшатнулась. Никогда раньше не видела, чтобы цветы появлялись и распускались настолько быстро. Орегон давно овеян разными тайнами и волшебством. Надеюсь, это не радиация?

Мысль о волшебстве застряла у меня в памяти. Я хотела еще немного помурлыкать себе под нос, но увидела, как отец возвращается в дом. Пожалуй, сяду за уроки. В такой ситуации это будет разумнее всего. У меня есть всего три месяца до экзаменов в марте. Самое время потренироваться, в очередной раз, писать эссе.

Глава 4

Я собиралась поступать в Южный университет Орегона в Эшленде, но насчет специальности у нас с отцом возникли разногласия. Он всю свою жизнь посвятил изучению птиц в национальном заповеднике Рог Ривер-Сискья. И хотел бы, чтобы я помогала ему с наблюдениями, пошла по его стопам. Вот только я становиться орнитологом не планировала. Я хотела петь! Но, естественно, об этом не могло быть и речи. В итоге мы договорились, что я пойду на английский язык и в итоге стану писателем. После пения, писать книги это то, чего я бы наверное, действительно хотела. К тому же, по английскому языку у меня всегда были высшие баллы, в отличие от математики. Эссе давались мне лучше всех в классе, и писались легко, будто играючи. На уроках математики я выдумывала и записывала диалоги, которые потом могли бы стать частичками моей книги. Если, конечно, мне однажды удастся ее написать. Идея сюжета пришла мне в голову еще год назад, и с тех пор в моей специальной тетради добавлялись все новые и новые сцены.

Эмма выбрала коммуникационные исследования, поэтому, к сожалению, мы с ней не сможем видаться так часто, как сейчас. Уильям собрался поступать на финансовую математику, а Лиам, через год, на компьютерные технологии.

Удивительно, что мы с отцом смогли договориться хотя бы об английском. Или не удивительно. До моих десяти лет мы с ним отлично ладили. И лишь потом наши отношения стали ухудшаться. По мере того, как росло количество моих вопросов о маме. Лиам же наоборот, вовсе перестал спрашивать, считая это бесполезным.

Раньше отец водил нас с Лиамом в походы. Нам очень нравилось. Я до сих пор помню все наши пешие маршруты, и, особенно мой любимый – Редвудс – как свои пять пальцев. Хотела бы я вернуться в то время, когда мы с Лиамом беззаботно прогуливались под секвойями – этими древними деревьями-хранителями, которые стоят там веками. Но есть и моменты, которые я бы точно не хотела повторять. И они связаны вовсе не с отцом. А со скаутами. В июле, а иногда и в январе, каждый год, отец отправлял нас в лагерь «Маленькое эхо». Лиам просто обожал этот лагерь. Он заработал не меньше сорока значков умений. А я – только пять. Искусство, плавание, фотография, езда на велосипеде и стрельба из лука. У меня многое не получалось, и из года в год я становилась объектом насмешек всего лагеря. И тогда я сбегала ото всех, чтобы дать себе передышку и поплавать на каноэ.

Кстати, про университет. Отец настаивал на том, чтобы мы с Лиамом каждый день ездили отсюда, из Феникса. Час езды – не так много для человека, который до работы порой едет все четыре. Я еще не получила права, но у отца всегда все распланировано наперед: он уже договорился с Уильямом, что тот будет возить меня на своем Фольксе. И вроде бы, ещё совсем недавно такой вариант меня устраивал. До вчерашнего дня. Теперь же я всерьез задумалась о том, чтобы переехать в студенческий кампус.

От раздумий меня оторвал Баллерофонт. Этот проказник скинул горшок с только расцветшей фиалкой на пол. Наверное, обиделся на меня за то, что я случайно наступила ему на хвост. Чтож, это честно. Но лучше бы я просто дала ему вкусняшку. Мой взгляд упал на лист, и я поняла, что уже полчаса вывожу на бумаге какие-то спирали, семерки и глаза.

«Как там твой парень-дракон? Не объявлялся больше?», – прочитала я сообщение от Эммы и усмеялась.

«Он не мой парень, и лучше не пиши так, если Уильям случайно увидит нашу переписку, он рассердится не на шутку», — набрала я в ответ.

«Этому напыщенному индюку не помешает немного сбить спесь. Можешь сама дать ему это прочитать», – посоветовала мне подруга. – *Ты не ответила на вопрос»*.

Я поплелась в кладовку за пылесосом, чтобы собрать часть просыпавшейся на пол земли.

«Вряд ли мы когда-либо с ним ещё встретимся», – набирая сообщение, я подумала о том, что слова «твой парень-дракон» разлились по мне теплом.

«Почему? Ты ещё не пробовала поискать своего спасителя?».

Меня словно молнией прошибло. А ведь и правда, я могла бы поискать его в сети. Он выглядел старше меня. Вероятно, он уже студент. А если он учится в Эшленде? Ведь в округе не так много университетов. Тем более, поблизости от Эмигрантского озера. А если я ошибаюсь, и он просто приехал отдохнуть? После того, что случилось, меня увез Уильям... А как же он? Что стало с ним? Какая же я дура, что до сих пор не задумалась об этом. Неужели Уилл бросил его одного там? Вдруг этот парень вообще не пришел в себя, после того, что случилось? Вдруг он умер там? Мои ладони стали влажными, и я почувствовала, будто бы меня ударили под дых. А что если из-за Уильяма я оставила умирать парня, который меня спас? Я села на кровать, к самой стене, поджала колени и обняла их руками. Закрыв глаза, я пыталась побороть панику, которая накатывала на меня волнами. А если Уильям увез меня потому, что парень уже умер, и он просто хотел оградить меня от участия в расследовании? От обвинений? Меня ведь, наверняка, объявили бы причастной к его смерти?

«Хэй, Лав?! Дай угадаю, ты ринулась к компьютеру и ищешь его по всем социальным сетям? А кстати, как? Ты знаешь его имя?», – следующее сообщение Эм вырвало меня из плена тревоги.

Я должна узнать судьбу того парня. Дракон он, или не дракон, он меня спас, а я его бросила. И пока я не узнаю, что он – жив, не смогу жить спокойно.

«Может у тебя есть идеи? Имени нет», – дрожащими пальцами написала я.

Через секунду Эм позвонила мне.

– Есть одна. Ты знаешь, что весь лес возле Эмигрантского озера вчера завалило мертвыми птицами? Наверняка твоего отца в ближайшие часы вызовут туда. Может быть, у тебя получится уговорить его взять тебя собой, и тогда ты получишь осмотреть окрестности!

– Ты чудо, Эм! – чуть не завизжала от этой новости я. Конечно, мертвые птицы это плохо, очень плохо, но то, что они могут стать той самой ниточкой, которая приведет меня в лес возле Эмигрантского озера – и даст, пусть призрачный шанс ещё раз увидеть того брюнета с сапфировыми глазами – это хорошо. Пожалуйста, пусть он только будет жив!

Я, взяв кружку, чтобы сделать вид, что иду за чаем, выскользнула из своей комнаты. И как раз вовремя. Отец собирал свой рабочий рюкзак. Я сделала удивленное лицо.

– Ты же давно не работаешь по выходным? Сейчас вечер пятницы, – сразу пошла в наступление я.

– Вчера недалеко от Эмигрантского озера погибло большое количество птиц. Я должен был выехать туда ещё вчера, но начальство дало мне небольшую отсрочку. Мне нужно выяснить, откуда взялись птицы и что с ними произошло, – отец внимательно посмотрел на меня.

– Можно мне с тобой?

Отец явно не ожидал от меня этих слов.

– Зачем? Ты вчера была там же, где и они, и тебе стало плохо. Мы пока не знаем, что стало причиной их смерти. Может быть, птицы болеют эшерехиозом? Или у них туляремия?

К тому же, ты не способна даже взять их в руки, и ты об этом знаешь.

– Я уже чувствую себя нормально. К тому же, мне стало плохо еще до того, как я доехала до Эмигрантского озера. Просто я терпела и не выпила тайленол вовремя.

– Ты уже столько лет не ездешь со мной на работу. К тому же, сама становишься орнитологом ты не собираешься. Зачем тебе это, Венди?

Я поняла, что сейчас пойти на попятную никак не могу. Если не смогу убедить отца в искренности своих намерений, он просто уедет один.

– Если честно, есть две причины, – я сделала небольшую паузу. Отец прекратил складывать вещи, и остановился возле меня.

– Перед тем, как сделать окончательный выбор, я хочу быть твердо уверена в том, что я права. Я подумала, что съездить с тобой на работу ещё раз – хороший шанс посмотреть на то, от чего я отказываюсь.

– Как будто бы что-то заставит тебя передумать, – хмыкнул отец.

Я проигнорировала его выпад.

– Ну и во-вторых, я подумала, что после нашей вчерашней утренней стычки мы могли бы попытаться наладить наши отношения...

– Ты просто хочешь бросить нас с Лиамом здесь и свалить в кампус. Ты чувствуешь вину за это. Наша совместная поездка не сможет заглушить голос твоей совести, Венди.

– Так значит, ты не возьмешь меня с собой? – отчаявшись, пропищала я.

Отец отрицательно покачал головой.

– А ты не боишься, что пока ты там, я снова куда-нибудь удеру? – Я скатилась до банального шантажа.

– Нет. Уильям присмотрит за тобой.

Я зло стукнула кулаком об дверной косяк.

– Он мой парень, а не нянька, – съязвила я. – Ну и отлично. Посмотрим, сколько еще времени Уилл сможет устоять перед моими любовными чарами. Наконец-то попрактикуемся в поцелуях без свидетелей!

И как только у него получалось каждый раз доводить меня до белого каления?

– Живо собирайся! – зарычал на меня отец.

Я прошептала куда-то в небо «спасибо» и побежала за рюкзаком.

На работу отец всегда ездил на темно-синем Фольксвагене Тигуан, который казался мне более комфортным, чем наша серебристая Субару Форестер. Я положила рюкзак на заднее сиденье, и устроилась поудобнее. Учтывая, что музыку слушать было нельзя, а сердить отца, который все же взял меня с собой, я не хотела, то решила почитать по дороге «Дары Волхвов» О.Генри. Может быть, так из моего рта не вылетит ничего, что могло бы привести нас обоих к катастрофе? Думала ли я, что сегодня снова поеду туда, где вчера со мной произошло нечто необъяснимое? Волоски на моей коже встали дыбом. Я опять что-то почувствовала. Что я буду делать, если этого парня там не окажется? Или, что хуже, если обнаружу там его труп? Мои собственные мысли напугали меня до чертиков.

«*Еду с отцом! Спасибо!*», – отправила я сообщение Эмме.

А что если эти птицы умерли из-за моего выплеска света? Может быть, мне не стоит ехать и я зря все это затеяла?

– Воробьи, черные и синие дрозды, ласточки, мухоловки, понял! – ответил кому-то по телефону отец, и я прикрыла глаза.

– А разве эти птицы не улетают зимовать? Вроде бы ласточки... – не договорив, я покачала головой.

Отец постучал большими пальцами по рулю.

– Все это слишком далеко от нормы, – только и сказал он.

Моя голова кружилась. Что там на самом деле произошло вчера, и готова ли я столкнуться с последствиями этого? Я не знала.

По дороге я ненадолго уснула, и мне снились те самые синие глаза, которые даже синее моих. Неудивительно, ведь перед тем, как заснуть, я думала о нем. О том, что он для меня сделал, и чего не сделала для него я. Все, о чем я мысленно просила – пусть жизнь даст мне шанс. Пусть даст шанс нам. Ему.

Мой сон был полон переживаний, и только эти синие глаза внушали мне уверенность в том, что все будет хорошо.

Я проснулась от пульсации в запястье. Татуировка сильно вибрировала. А ведь я уже успела про нее забыть! Отец посмотрел на меня в зеркало.

– Ну что, Спящая красавица, готова к малоприятному зрелищу? – поинтересовался он, и я про себя отметила, что отец, возможно, тоже старается улучшить наши отношения. *«Или просто издевается над тобой»*, – прошептал внутренний голос, но я заклеила ему рот скотчем.

– А разве к этому можно быть готовой? – зевнув, спросила я. Невероятно хотелось потянуться, но я побоялась, что отец увидит татуировку. Мы только-только начали выстраивать хрупкий мир, так что не стоит рушить его новыми потрясениями, решила я для себя, подавив желание.

Глава 5

Я зажала рот рукой. К такому невозможно привыкнуть. Везде, куда бы мы здесь не ступали, лежали мертвые птицы. Их было много, очень много. Я почувствовала, как мой живот превращается в тугой комок. К горлу волнами подступала тошнота. Я проглотила ставшую кислой слюну.

На место прибыли орнитологи и из других заповедников. Отец сказал, что мы должны набрать триста образцов. Желательно, чтобы среди них оказались птицы разных видов.

Я выждала момент, когда смогу немного отделиться и пошла в направлении полянки. Воздух, который всего день назад был наполнен свежим звенящим ароматом хвои, теперь был будто грязным. Специфический запах, который исходил от птиц, с каждой минутой все сильнее давил на меня.

На поляне было пусто. В прямом смысле. Возможно, это единственное место в округе, где мертвых птиц не оказалось. Таинственного спасителя тоже. Я походила туда-сюда, и не увидела капель крови. Это меня немного утешило.

Позади меня хрустнула ветка. Я развернулась, надеясь, что это он.

– Вы? Я видела вас у нас дома. Что вам нужно от моего отца? – не очень-то вежливо спросила я, ничуть себя за это не коря.

– Лаванда Вуд, ты пойдешь со мной, – четко выговорил незнакомец с белыми волосами.

В этот раз на нем была темно-синяя мантия, почти до пят, плечи которой были украшены серебряными спиралями.

– Нет, не пойду.

С чего он решил, что я пойду с ним?

– Пойдешь, если хочешь узнать правду о своей матери, – ответил он, словно прочитав мои мысли.

Я задумалась. Откуда я узнаю, если он солжет? Он, наверняка, опасен. С другой стороны, отец знает его, и от отца я не дождалась этой правды за все восемнадцать лет. Возможно, этот человек – мой единственный шанс что-либо узнать. И я не собираюсь его упускать. Может быть, я буду душой, если пойду с ним, и это плохо закончится, но мне нужно узнать хотя бы еще что-то о маме. Для нас с Лиамом. Имя – это лучше, чем ничего, но теперь мне уже было недостаточно лишь имени.

Я сделала шаг к нему.

– Может быть, для начала представитесь?

– Эдвард Резерфорд. Идем.

Я послушно пошла за ним. Когда мы вышли к дороге, я обомлела:

– Синий Крайслер семидесятых? Не очень-то незаметная модель. Я думала, вы собираетесь меня похитить.

– Скорее, дать нам немного больше времени и небольшую фору. Ты идешь со мной по собственному выбору и желанию. Разве нет?

Я кивнула. Если честно, мне было немного страшно и мои руки дрожали. Я согласилась ехать с неизвестным мужчиной неизвестно куда. Верх благоразумия. Стоило ему только упомянуть мою мать, как я почти сразу согласилась. Отец меня убьет. Лиам меня убьет. Уильям как минимум встанет в эту очередь. Даже Эмма наверняка рассердится не на шутку.

Я села на заднее сидение и пристегнулась. Как вообще можно на этом ездить? Seriously, Крайслер? Чувствую, к концу поездки у меня будет все болеть.

Эдвард сел за руль.

– Я – глава Ордена Хранителей Песни Эридана, – произнес он, посмотрев на меня в зеркало.

- Мне это ни о чем не говорит. Только о том, что название вашего ордена слишком длинное, – заметила я. – Спрашивать, куда мы поедем, наверное, бесполезно?
- Нет, так как ты согласилась пойти со мной, от тебя у нас тайн нет, Хранительница.
- Воу-воу. Я ни в какой Орден вступать не собираюсь, – пояснила я, нервно положив руки на замок ремня безопасности.
- Неужели ты так быстро передумала и уже собираешься уйти? – в пронизательных глазах Эдварда мелькнула усмешка.
- Нет, я просто пытаюсь устроиться поудобнее, – сглотнув, соврала.
- Или не соврала. Ведь я пока не думаю никуда уезжать. Сначала получу информацию о моей матери.
- Мы поедем в Венету. У нашего Ордена есть три центра: в Венете, Корваллисе и в Форест Гров.
- Как вы узнали, что я приеду с отцом?
- А я и не знал. Решил испытать удачу. Все орнитологи слетелись сюда как птицы, – неудачно пошутил Эдвард и я поморщилась.
- А потом покрутила в руках мобильный. Может быть, отправить отцу сообщение, о том, что я передумала и уехала, чтобы не волновался?
- Пожалуй не стоит, – покачал головой Резерфорд. – Твой обман все равно слишком быстро раскроется.
- Что вам от меня нужно? – скрестив руки на груди, напрямую спросила я.
- Подготовить тебя к получению Песни.
- Песни? Звучит интересно.
- Там с отцом, вы ведь говорили обо мне?
- Отец сказал, что сам приведет меня к вам, когда я буду готова. Почему бы не подождать? Месяцем раньше, месяцем позже, что это решает?
- Во-первых, твой отец не в курсе того, что на тебя напал Пожиратель. И я не стал раскрывать твою маленькую тайну. Твое молчание нам только на руку. Иначе он не отпустил бы тебя никуда.
- Пожиратель – это та черная тень?
- Да.
- А почему Пожиратель? Что могут пожирать тени? Свет?
- Пожиратели миров. Это древняя раса существ, которую заперли в Солнечной системе. В частности, на Земле.
- Древняя раса? Значит их много?
- Достаточно. Они – хищники, и обычно не показываются днем.
- Откуда вы знаете, о том, что случилось на поляне?
- Твой свет был виден на сотни миль вокруг.
- У меня закружилась голова. Неужели все это было по-настоящему? Я чуть приоткрыла окно машины.
- Это нормально. У некоторых Хранителей Песни есть такие способности. У Хранителей-спеллсингеров.
- А много человек в Ордене?
- Семьсот человек. Но далеко не все члены Ордена – спеллсингеры. Обычно спеллсингеров всего семь. Седьмым спеллсингером была твоя мать, а теперь будешь и ты.
- И тут до меня дошло...
- А тот парень-дракон? – выпалила я. – Он тоже реален? Как и Пожиратели?
- Губы Резерфорда сжались в тонкую линию.
- Да, драконы тоже вполне реальны. Они живут общинами. Одна из таких общин есть недалеко от горы Маклафлин.

Увидев выражение моего лица, Резерфорд продолжил:

– Но тебе стоит держаться от них подальше. У нас с драконами абсолютно противоположные цели. Мы охраняем Врата Эридана, держа их закрытыми, и не даем Пожирателям покинуть наш мир. Мы жертвуем нашим миром и собой, запирая их здесь и позволяя кормиться энергией человечества – так мы сохраняем другие миры. Каждый из семи спеллсингеров должен знать и мочь спеть Песнь Эридана, чтобы, если однажды что-то пойдет не так, быть готовым вновь запечатать Врата.

Если честно, я и не надеялась, что узнаю столько всего в ближайшее время. Голова уже шла кругом.

– И кстати, во-вторых, твой отец должен был подготовить тебя и привести к нам в день твоего восемнадцатилетия. Но, мы наблюдали за тобой, и решили подстраховаться. Как видишь – не зря. Он весьма специфичным образом воспринимает обещание, данное им твоей матери.

За окном смеркалось. Мы проезжали Мерлин, и когда я увидела яркую радугу кафе «Райффл», я попросила Эдварда притормозить. Тарелка «Цезаря» мне сейчас явно не помещает. А ещё гренки с сырным соусом и лимонад.

Мобильный разрывался от звонков. Эдвард взял его у меня из рук и выключил.

– Отец подумает, что это похищение, и скоро здесь будет вся полиция штата! – всплеснула руками я.

– Не будет. Как ты уже сказала, синий Крайслер семидесятых невозможно не заметить. Твой отец знает, кто увез твою дочь. Он не будет вызывать полицию.

– Он не оставит этого просто так.

– Конечно. Он обязательно поедет за тобой. Поверь, он знает, где нас искать.

Резерфорд взял себе стейк с яичницей и блинчики с медом. Пока мы ели, я поняла, что мне не понравились его слова про «держаться подальше от драконов». Я не собиралась держаться от них подальше. Особенно от того парня. Интересно, он живет в общине возле горы Маклафлин? Мое сердце забилось быстрее.

Видимо, я совершенно не умела скрывать свои эмоции, потому что, отхлебнув лимонада, Эдвард сказал:

– Общины драконов хотят открыть Врата Эридана – врата в другие миры. Они стремятся вернуться в свой мир, на свою историческую родину. Им без разницы, что будет с остальными мирами, когда Пожиратели просочатся сквозь открытые Врата. Они привыкли жить бок о бок с этими хищниками. Цель Хранителей – сделать так, чтобы этого никогда не произошло. Поэтому лучше сразу выкинь того парня из головы.

Я скривилась.

– Вы мне не папочка, чтобы давать такие «ценные» советы, – отрезала я и Резерфорд поморщился, словно от пощечины.

– Если бы я был бы твоим папочкой, я бы не допустил, чтобы ты была настолько неподготовленной и незащищенной. Сила Хранителей – в звуке их голоса, в Свете. Ты же до сих пор не умеешь управлять ни тем, ни другим. К тому же, чтобы управлять Светом, твое тело должно быть крепким и сильным. А пока что, – он оценивающе оглядел меня сверху вниз, – твои мышцы похожи на пудинг.

– То есть, я должна буду остаться там у вас в Ордене, и учиться, чтобы получить Песнь Эридана?

Резерфорд кивнул.

– Ты должна была пройти Ритуал и получить Песнь седьмого декабря. Но ты не готова. Мы не можем так рисковать.

– Ритуал? И в чем он заключается? И кто будет меня учить? Вы?

– Нет, не я. Я поручил твоё обучение Леонарду. Он расскажет тебе, в чём заключается Ритуал Песни.

Я кивнула. Надеюсь, он будет помоложе Резерфорда, или я умру со скуки. Хотя, о чём я вообще думаю? Я всерьёз, меньше, чем за час, решила остаться в каком-то там Ордене и учиться... Кстати, чему именно учиться? Управлению Светом? То есть, какой-то магии и управлению голосом. То есть, музыке? Это мне нравилось. Магия и музыка. И чему ещё – какому-нибудь тхэквондо что-ли?

– А вы знаете, какая фамилия была у моей матери до того, как она вышла замуж за отца?

У меня в голове вертелось множество вопросов, но некоторые я решила оставить на потом.

– Это я познакомил твою мать и твоего отца. Райнхардт. Элизабет Райнхардт, – Резерфорд устало склонил голову вниз. – Пойдем, нам нужно выиграть у твоего отца еще немного времени.

Значит, я не останусь ни в каком Ордене. Отец не позволит. И Резерфорд тоже понимает это. Он просто передаст меня ему, и на этом все закончится. Но тогда зачем он все это говорит мне? Зачем весь этот фарс с поездкой в Венету? Если я расстроилась, значит ли это, что я действительно хотела остаться в Ордене?

Эдвард открыл бардачок, достал что-то оттуда и протянул мне. Это была фотография.

– Вот, держи. У меня не так много их осталось... Но я подумал, что она и для тебя будет иметь огромную ценность.

С фотографии на меня смотрела, улыбаясь во весь рот, рыжеволосая синеглазая девушка с веснушками в клетчатой зеленой фланелевой рубашке и джинсовом комбинезоне. Она держала в руках букет красных камелий, прижимая к сердцу. Девушка была чуть старше меня. Мое сердце защемило.

– Это ведь... Моя мама? – проглотив комок в горле, спросила я.

– Да, это она.

– Спасибо, – одними губами прошептала я и убрала фотографию в рюкзак.

Эта поездка уже дала мне больше, чем я смела мечтать. Теперь у меня есть её фотография. Когда я вернусь, покажу её Лиаму.

Глава 6

Через полчаса мы снова остановились – в Глендейле. Резерфорд пояснил, что у него есть небольшое дело в библиотеке, а затем постучал в дверь маленького аккуратного выбеленного здания.

– Приемные часы давно закончились. Пятница, – констатировала я.

Но спустя пару минут дверь все же открыли.

– Чего так долго, Махоуни? – усмехнувшись, спросил Эдвард. – В туалете, что-ли, сидел? Махоуни сделал вид, что не слышал колкости.

– Кто это с тобой, Эд?

– Это *она*. Познакомься.

Мужчина лет пятидесяти, с выразительным носом, серо-голубыми глазами и светлыми волосами почти до подбородка с видимой проседью взял мою руку в свою и коснулся ее тыльной стороны губами.

– Хранительница. Это честь – быть знакомым с вами.

Мои глаза удивленно округлились. Я в замешательстве перевела взгляд на Резерфорда. Впрочем, Махоуни тоже это сделал.

– Мог бы предупредить, что привезешь *ее* сюда.

– Мы всего лишь на пять минут, Майкл.

Резерфорд подтолкнул меня пройти внутрь.

В зале библиотеки горел свет. В правом углу висели китайские фонарики зеленых оттенков. По некоторым стеллажам вился искусственный плющ. Все внутри выглядело очень уютно. Я бы с удовольствием осталась здесь на пару часиков с книгой.

Я заметила, как Эдвард передал Майклу сложенный листок.

– Ви, пойдем, – позвал меня Резерфорд.

– Я не давала разрешения так себя называть. Лаванда, пожалуйста, – сказала я максимально холодно.

– Хм, Ви – это коротко, быстро и удобно. Ну что ж, нет так нет.

– Не думала, что *вы* умеете принимать отказы.

– А зачем тогда сказала это? – лукаво улыбнулся Резерфорд.

Я хмыкнула и отправилась к машине.

– Я не планировала, что вы меня украдете, поэтому не взяла с собой вещи.

– Они тебе не понадобятся, Орден обеспечит тебя всем необходимым.

Наверное, Эмма оставила мне уже сотню голосовых. Она непременно захочет узнать, нашла ли я синеглазого брюнета. Никто из нас не мог даже подумать, что ситуация повернется другой стороной.

До самой Венеты мы ехали молча. Я откровенно устала, и попытки сосредоточиться и задать побольше новых вопросов ни к чему не приводили. В мыслях была каша. Привести их в порядок никак не удавалось, к тому же, периодически в них врвался парень-дракон. Видимо, пока я его не найду, так и буду думать о нем и думать. Стоп. А как мне его теперь искать, если вдруг я все же останусь в Ордене? Мне можно будет оттуда выходить? Как там у них все устроено? И что делать с моим поступлением в университет? Сколько времени займет обучение? Наверное, вот эти вопросы и стоило задать Резерфорду. Но я не чувствовала в себе сил даже на это.

Перед въездом в Венету я окончательно скисла и за это на себя разозлилась. Эдвард же, похоже, наоборот, несмотря на часы за рулем, пребывал в приподнятом настроении.

Часы на моем фитнес браслете показывали почти девять вечера, и я вдруг осознала, что собираюсь спать в незнакомом месте среди незнакомых людей. Впервые в жизни. От этих мыс-

лей мне вдруг стало не по себе. Кроме летнего лагеря, Эммы и походов я всегда ночевала дома. Да и в лагере рядом всегда был Лиам, про ночевки у Эммы и говорить нечего, а в походах мы были исключительно семьей. Весь мой оптимистический настрой вдруг куда-то улетучился... Совсем скоро мне, наверное, ещё и с остальными членами Ордена придется знакомиться. Хотя, кто знает, вдруг я с кем-нибудь подружусь?

Несмотря на то, что уже было темно, внешне, из окна авто Венета мне понравилась. Улицы и дома были более ухоженными, чем в Фениксе, и почти каждый дом был окружен высокими елями. Учитывая, что некоторые дома уже были наряжены к Рождеству – выглядело все это вдвойне волшебным.

– Тридцать три дома на Аркейн-, Айриник-, и Рапсоди-авеню принадлежат Ордену, – пояснил Резерфорд. – Комната в одном из них – твоя.

Мы подъехали к одноэтажному синему дому на Аркейн-авеню, напротив которого возвышалась огромная пихта.

– Эдвард, минутку, – замялась я. – А кто еще живет в этом доме?

– Я, Леонард и Элейн.

Я пошла внутрь за Эдвардом. Резерфорд открыл дверь и бросил ключи от машины на небольшой стол у зеркала. Из коридора открывался хороший вид на большую часть комнат изнутри дома. Справа располагалась ванная, туалет, прачечная, кухня и гостиная, спальни шли по левой стороне. Пол был застелен мягким серым ковровым покрытием. Пока я рассматривала обстановку, из одной из спален вышел парень лет двадцати пяти, ростом еще выше Уильяма и визуально со стальными кубиками брюшного пресса, которые определялись даже через темно-синюю футболку. Его виски были выбриты, а длинная рыжая челка прикрывала правый глаз. Кстати, его ореховые глаза изучали меня ничуть не меньше, чем мои синие – его.

– Это Леонард. Леонард, это – Лаванда, представил нас друг другу Эдвард. – Леонард будет обучать тебя и заботиться о твоей безопасности.

Справа из гостиной нам на встречу вышла светловолосая голубоглазая девушка в бледно-голубой майке и таких же бледно-голубых джинсах. Она, на вид, была чуть старше меня.

– Элейн, это Лаванда. Лаванда, это – Элейн. Она наш центр информации здесь. Знает все и обо всех, несмотря на свой достаточно юный возраст. Она также занимается организацией мероприятий, доставкой еды для членов Ордена. Если тебе нужны будут деньги на личные нужды – спроси Элейн, она выдаст тебе карту.

Я слегка опешила. Так просто? Выдаст карту?

– Кстати, Эл, что у нас сегодня на ужин?

– Мы оставили вам пиццу «Цыпленок Барбекю». Ещё в холодильнике есть каннеллони с сыром.

Надо признаться, не так я себе представляла Орден. Я думала, они живут в замке, или в церкви... Или что-то вроде этого. А тут обычный дом. Эти трое даже сошли бы за семью. Дедушка и внуки, к примеру.

– Твоя комната самая левая. Полотенце в шкафу, – продолжила Элейн.

А я подумала, что из нее получилась бы неплохая главная героиня. В голове сам собой начал возникать выдуманный диалог. Жаль, сейчас не достать мобильник, чтобы записать его.

– Вымойся и поешь спокойно. Поспать пока не получится. К полуночи твой отец будет здесь, – констатировал Эдвард.

Я открыла рот и тут же закрыла его. Найти нас по синему Крайслеру семидесятых действительно не составит труда. Я выдавила из себя подобие улыбки, сняла рюкзак с плеч, взяла его в левую руку, а правой открыла белую дверь, возможно, моей новой комнаты. Которая, кстати, разительно отличалась от той, которая была у меня дома в Фениксе. Кровать стояла по центру, а не в углу слева. И была больше моей. В глаза сразу же бросился комплект постельного белья – градиентные синие полосы от темных к светлым к центру разрывали ярко-оран-

жевая и белая. Дерево выглядело слегка состаренным. На лакированном полу возле кровати лежал белый коврик с ворсом средней высоты. Над кроватью висел плакат с изображением побережья. Волны, которые разбивались о зеленые скалы. Типичный Тихий океан. Под плакатом была небольшая полочка, на которой красиво разместились пятнадцать горшочков с разными суккулентами. В целом, довольно минималистично: шкаф, комод, тумбочка. Но уютно. В духе природы Орегона.

Я решила, что сначала вымоюсь, а потом поем. Это будет для меня первым испытанием. Я не смогу спокойно мыться, зная, что в доме кроме меня ещё три незнакомых человека. Поэтому я буду мыться беспокойно. Все время начеку. В шкафу меня ожидал сюрприз в виде отсутствующего полотенца. Благо я сообразила заглянуть в комод и нашла его там. Вместе с такой же мантией, как та, которая была на Резерфорде, только красной. Под мантию мне предлагалось надеть длинное черное трикотажное платье. Я взяла одежду, полотенце и пошла в ванную. Увидев меня, Элейн ободряюще кивнула мне из гостиной. Я улыбнулась ей в ответ, и нажала на ручку двери. Ванная оказалась довольно маленькой. Стены были выкрашены в темно-зеленый цвет. Их пытались сделать чуть привлекательнее, добавив искусственные разводы. Я положила полотенце на тумбочку возле раковины, повесила одежду на крючок и включила воду. На борту ванной стоял небольшой пузырек. Я вылила немного средства из него в воду, и по ванной распространился древесный аромат, который перемешивался с нотками лайма.

Внезапно у меня в мыслях сами собой всплыли слова Резерфорда:

«Она должна выбрать правильную сторону».

Если я правильно его поняла, есть спеллсингеры и Орден, есть драконы и Пожиратели миров. Спеллсингеры и Орден против открытия Врат Эридана. А драконы и Пожиратели, наоборот, хотят их открытия. Получается, стороны всего две. И сейчас, попав в Орден, я приняла одну из них? То есть, я поддерживаю то, что Врата между мирами должны быть закрытыми? В любом случае, я не хотела бы стать причиной уничтожения других миров Пожирателями. Но разве нормально то, что мы сами стали кормом для другого вида? Могу ли я винить драконов в их желании вернуться в их мир? Даже несмотря на то, что они тот мир никогда не видели? Или видели? Сколько они живут? И, возможно, этот мир теперь больше их, чем тот? Этот мир стал им пристанищем на века, если я верно все поняла. Неужели они не боятся, что мир, в который они хотят уйти, станет такой же кормушкой, как этот? Двигет ли драконами лишь тяга к истокам, или в их стремлении вернуться есть нечто большее? Я должна это выяснить. Перед тем, как принять настоящее решение, принять чью-то сторону, я должна знать истинное положение дел. Стоп... Но может ли, в принципе, Хранитель выбирать сторону? Хотя, раз Резерфорд так сказал, наверное, может.

Я провела по пене рукой, возвращаясь в реальность. Какие у меня вообще планы? Как дальше я намерена действовать? Я ещё не сдала экзамены в школе. Разве я могу остаться в Ордене? Но мне бы хотелось. Ведь у меня, по всей видимости, есть какая-то сила и я бы хотела научиться ей пользоваться. Тот Свет – моя сила. Интересно, как она работает? Получается, чтобы вызвать Свет, мне нужно петь? Только ли в Свете дело? Выросшие фиалки тоже не выходили у меня из головы.

Я ещё на пару минут полностью погрузилась в теплую ароматную ванну, потом вымылась, высушила волосы и оделась в платье и мантию. Раз я решила пока попытаться остаться здесь, я должна дать отцу понять, что я приняла решение.

Глава 7

Он не заставил себя долго ждать.

– Черт бы тебя побрал, Эдвард! – услышала я голос отца, закрывая дверь ванной.

Развернувшись, я замерла: он притащил с собой Уильяма.

Резерфорд выскочил из своей спальни и встал прямо передо мной. Отец скользил взглядом по моей мантии.

– Я же сказал тебе, привезу, когда она будет готова! – рыкнул Дэвид на Эдварда.

– А должен был еще позавчера!

– Я ничего тебе не должен с тех пор, как умерла Элизабет, – чуть тише зло прорычал отец.

– Мне – нет. Ей – да.

На секунду в воздухе повисла тишина. Затем Резерфорд показал рукой на гостиную.

Отец посмотрел на Уильяма, а потом, все-таки, снял куртку и повесил ее на крючок.

Мы все прошли в гостиную, в которой у окна уже стоял Леонард. Они с Уиллом обменялись многозначительными взглядами. Мы с Резерфордом сели в кресла, а отец с Уиллом – на диван.

– Я намерен забрать ее отсюда, – холодно отчеканил отец.

– Лаванда сделала свой выбор, как ты видишь, – лениво ответил Резерфорд и сложил руки у лица, оперев локти на колени.

Отец еще раз кинул взгляд на мантию на мне.

– Эта тряпка на ней ничего не значит, – он развернулся ко мне. – Ты решила вступить в Орден?

Я на секунду заколебалась, и уголки рта Дэвида поползли вверх.

– Ты собираешься получить Песнь и не отступишь от этого решения, – скорее сказал, чем спросил отец и грустно усмехнулся. – Что ж... Скажем в школе, что я отправил вас с Уильямом на частные курсы для подготовки к экзаменам в Шервуде.

Отец собрался покрывать меня? Стоп? С Уильямом? Я ошарашено посмотрела на своего парня.

– А ты думала, я позволю тебе остаться здесь одной?

– Я уже совершеннолетняя, пап! – наконец подала я голос.

– Разве ты не рада, что не придется расставаться с парнем на долгое время и я сам решил этот вопрос? – испытующе посмотрел на меня отец, и мне пришлось сдаться.

Может быть, знакомое лицо здесь и правда не помешает. Надо будет только узнать, что обо все этом знает и думает сам Уилл, который до сих пор не произнес ни звука.

– Скажешь Эмме, что живешь у бабушки и дедушки. Она тоже не должна ничего знать.

Интересно, что он наплел Уильяму? Или... Он действительно оплатил ему частные курсы для подготовки?

– А через месяц, когда мы уедем в Корваллис, нам обязательно тащить с собой этого прихвостня? – кивнул на Уильяма Резерфорд.

Мы уедем в Корваллис через месяц? Вот это новости. У меня начало создаваться впечатление, что отец общается с Эдвардом намного дольше и чаще, чем я думала раньше.

– Раз уж Венди приняла решение, это мое обязательное условие.

Несмотря на то, что я думала, что никакого разговора не получится, мы все до сих пор почти мирно беседовали и даже пришли к единому решению.

Вдруг отец встал и подошел ко мне. Кажется, я рано обрадовалась.

– Пожалуйста, хотя бы в этот раз уступи мне. Ты не знаешь и половины всего, что здесь происходит. Ты собираешься остаться с абсолютно незнакомым тебе человеком. Ты не знаешь, что он за человек!

От нервов меня начало потряхивать. Резерфорд встал и предупреждающе сжал ладони в кулаки.

– Ни слова больше, Дэвид!

– Почему ты так боишься, что она узнает правду? – Отец неотрывно смотрел на Эдварда. – Молчишь? Я скажу тебе, Эд. Потому что ты сам знаешь, что виноват в смерти своей дочери. Потому что Венди – единственное, что у тебя от нее осталось. И ты боишься потерять это единственное. Может быть, спустя столько лет, ты осознал свою ошибку?

Я вскочила на ноги. Он что, сейчас сказал, что Резерфорд – мой дедушка по линии матери?

– Это какая-то ошибка. Когда я спросила его, какая фамилия была до замужества у моей матери, он ответил, что Райнхардт. Как такое возможно?

Резерфорд едва заметно качнул головой, но я увидела этот жест.

– Моя жена, – Мариса Райнхардт, – начал Резерфорд. – Не захотела брать мою фамилию, и настояла на том, чтобы Элизабет тоже получила ее фамилию.

– Венди, ты не знаешь, что он за человек! – продолжил отец. – Он убил собственную дочь! Лицо Резерфорда побелело.

– Она бы открыла Врата! – отчаянно и одновременно зло процедил Эдвард.

Я почувствовала покалывание в татуировке, чуть более сильное и даже настойчивое, чем до этого. Мои виски взорвались болью. Я вскочила, не в силах выносить то, что на меня навалилось, взяла пальто и вылетела на улицу. Как я могла быть такой наивной? Размечталась: магия, музыка...

Не знаю, сколько я бежала в темноте по Перкинс Роад, но точно достаточно долго для того, чтобы у меня закололо в боку. Совсем неподалеку по звуку угадывалось течение реки. Я спустилась вниз, к ней, и села на берегу у дерева, на значительном расстоянии от воды. Подтянув к себе колени, и обняв их руками, я дала волю слезам.

Поблизости раздались шаги, и я испугалась. Жизнь ничему меня не учит. Сейчас темно, вдруг это опять Пожиратель? Хотя, вряд ли. Пожиратель ведь не издавал никаких звуков. Вряд ли тень может шуметь. Или может? Даже если это не Пожиратель, от этого не менее жутко.

– Т-с-с, не бойся. Как твое имя? – от звука уже знакомого голоса я успокоилась.

Как он здесь оказался? Неужели *он* искал меня?

Я неуклюже вытерла слезы и встала.

– Лаванда. Лаванда Вуд.

Выразительный брюнет с самыми синими в мире глазами жадно рассматривал меня.

– Эридан.

– Эридан? – попробовала я его имя на вкус.

– Да, пока что просто Эридан.

– Звучит интригующе. Пока что... – я улыбнулась, и он улыбнулся мне в ответ. А потом обошел меня вокруг.

– Скажи мне, Лаванда, как так получилось, что ты одна из нас, но я о тебе никогда ничего не слышал? Твоя семья недавно переехала? Ты из другой общины?

Я непонимающе смотрела на него. Этот парень-дракон что, думает, что я из другой общины *драконов*?

– Послушай, Эридан, я не знаю, что ты имеешь в виду, когда говоришь «одна из нас», – мягко начала я.

– Ты прекрасно *знаешь*, что я имею в виду. Ты все видела день назад.

– Вероятно ты дракон, я это понимаю, но я – нет.

Брови Эридана удивленно взлетели вверх. Он некоторое время изучающе смотрел на меня, а потом улыбнулся.

– Пожалуйста, покажи мне свое правое запястье.

Я покраснела. Он что, хочет увидеть мою татуировку? Откуда он про неё знает? Эридан подошел ко мне и остановился рядом на расстоянии вытянутой руки. Мне в нос ударил аромат хвои и розмарина, бергамота и мяты. Я подвинула рукав платья так, чтобы оголить запястье. Эридан посмотрел мне в глаза.

– Можно? – Он спрашивал разрешения коснуться моей руки.

Я слотнула, и протянула ему руку. Он аккуратно взял меня за ладонь, поднял запястье чуть выше и покрутил руку из стороны в сторону, разглядывая вязь на татуировке. А потом большим пальцем нежно провел по ней. Покалывание вдруг стало нестерпимо сильным и я, ойкнув, отдернула руку. Зрачки Эридана расширились.

– Ее кто-нибудь видел? – не спуская с меня взгляда тихо спросил Эридан.

Я хотела было отрицательно помотать головой, но потом вспомнила, что ее видел Лиам и Эмма.

– Да. Мой брат и моя подруга заметили ее, когда она появилась, – пояснила я. – Что она означает? Почему она появилась, ты знаешь?

– Потому что, Лаванда, я спас тебя, – уверенно ответил Эридан. – Если я попрошу тебя ее пока больше никому не показывать, ты выполнишь мою просьбу?

Если цена за мое спасение – лишь какая-то татуировка, то я точно буду благодарной. Я не спасла его, бросила его там, но судьба действительно дает нам шанс. Я выдохнула.

– Да. Я и не собиралась больше ее никому показывать, – заверила его я.

Один вопрос вертелся у меня в голове с того самого момента, как он назвал свое имя, и я наконец, решила дать ему свободу.

– Это твою Песнь мне должны передать, когда я буду готова? – Лицо Эридана вмиг стало серьезным. – Неужели тебе *столько* лет, что все построенные Врата в другие миры названы в твою честь?

Дракон рассмеялся.

– Я думал, я выгляжу куда более привлекательно, чем мумии в музее.

Я вновь покраснела. Почему я все время несу всякую чушь?

– Нет, я не тот Эридан, Песнь которого тебе передадут и я лишь чуть старше тебя, – медленно произнёс Эридан, с любопытством разглядывая меня.

– Она здесь! – Уильям бежал ко мне. – Дэвид, я ее нашел!

Он вдруг резко остановился, увидев Эридана и напрягся. А я вдруг осознала, что волнуясь за Эридана, который все еще стоял достаточно близко ко мне, чтобы ощущалось его тепло, а не за такого знакомого мне Уильяма. И это меня напугало. Эридан же увидел идущего к нам Резерфорда, и его глаза опасно сверкнули.

– О, Рейн! Какими судьбами? Ты забыл, что драконам *запрещено* подходить к Хранителям?

– Я не намерен играть в эти игры. Она не просто Хранитель. Она одна из нас, поэтому я забираю ее с собой. Мы имеем на нее столько же прав, как и вы.

«Или даже немного больше», – наклонившись ко мне, шепнул мне на ухо дракон, и мою татуировку закололо с новой силой.

– Лаванда приняла решение самостоятельно, – твердо сказал Эдвард.

– Вы скрывали ее от общины! Никто из нас не знал о ее существовании. Вряд ли старейшине это понравится. И к тому же, с нами она будет в большей безопасности.

– Мы не успели передать ей Песнь.

– Это проблема Ордена, а не наша, – холодным, словно сталь голосом ответил Эридан.

– Ему ты тоже поставишь условие – взять с собой прихвостня? – масляно улыбаясь, Резерфорд пилил глазами отца.

Дэвид выругался. Резерфорд вновь повернулся к Эридану.

– Первичный срок. Потом она наша. Орден мог бы и не уступать, мы нашли ее первыми. Передай старейшине, что мы идем на это только потому, что вы все это время безупречно выполняете Соглашение.

– Орден ни в чем нам не уступает. Это *мы* нашли ее первыми. И вам об этом известно.

– Вернешь ее на это же место ровно через семь дней целой и невредимой! – прикрикнул на него отец и дракон обворожительно улыбнулся.

Затем Эдвард, Дэвид и Уильям развернулись и пошли в сторону Аркейн-авеню. Я, до сих пор не до конца понимая, что тут произошло, ошарашено смотрела им вслед. Из оцепенения меня вывел голос незнакомой девушки:

– На крыльях?

– Я оценил шутку, Хех, – Эридан подмигнул незнакомке, и я ощутила укол ревности.

Вот черт. С Уильямом у меня такого не случилось! Я начала стараться дышать спокойно, чтобы случайно не выдать своего состояния.

– Лаванда, это Хехейна, Херувим Воздуха.

Хехейна была не очень высокой, но притягивающей взгляд девушкой. Среди темных волос до плеч бросались в глаза пряди малиново-фиолетового цвета. Черно-белая куртка, надетая на черный балахон, и ярко-желтая квадратная сумочка – все в ней говорило мне о том, что я и вполовину не настолько храбрая, чтобы иметь такой кричащий образ. Но именно такие обаятельные суперобщительные душки и привлекают парней.

Я слотнула и протянула Хехейне руку.

– Ну, пока! С пробоем ты явно справишься и без меня, – внезапно махнула нам Хехейна и растворилась в тенях, из которых появилась до этого.

Эридан вдруг слегка сжал ладонями мои руки у локтя и развернул так, чтобы я смотрела прямо на него. От неожиданного контакта я задрожала.

– Просто, что бы не случилось, не отпускай мою руку, поняла? – серьезно спросил дракон.

И я закивала в ответ, как болванчик. Меня тянуло к его губам, словно магнитом, и я сейчас согласилась бы на все, чего бы он не попросил.

Эридан довольно улыбнулся, словно прочел мои мысли. Черт. Мои щеки мигом стали пунцовыми.

В следующую секунду я почувствовала, будто бы теряю сознание. Затем, когда мне удалось прийти в себя, мы оказались в окружающей нас со всех сторон темноте. Казалось, в этом месте нет воздуха. Это длилось недолго. Ещё спустя

секунду возникла вспышка света, и мы буквально вывалились на берег замерзшего озера. Я попыталась глубоко вдохнуть и меня вновь объяла темнота, которая в этот раз уже и не думала так быстро меня отпускать.

Глава 8

В мой нос ударил аромат распаренных березовых и еловых веток. Воздух был теплым и сухим. Я поднялась на руках и поняла, что лежу на очень мягкой постели. Прямо напротив нее было огромное окно, из которого было видно скалы. Прямо у окна, вместо обычного подоконника была установлена прямоугольная ванна-постамент с душем. Рядом висела серая штора. Довольно аскетично, но так атмосферно!

Я засунула руки под одеяло, чтобы понять, что на мне надето. Оказалось, что ничего не изменилось, на мне все еще то же черное трикотажное платье. Мантия была аккуратно сложена и лежала на небольшом каменном столике возле кровати.

Должно быть, этот дом находится прямо у подножия горы Маклафлин? Это безопасно? Я встала и прошла к окну. За дверью тут же послышались шаги. Мое сердце от волнения забилося быстрее. В комнату вошла вроде бы Хехейна, а вроде бы, не совсем она. Может быть, вчера было так темно, что я не успела толком ее рассмотреть?

Девушка, проследив за моей реакцией, рассмеялась и протянула мне свободную руку. В другой руке она держала стопку одежды, вероятно, предназначавшуюся мне.

– Хаакана, сестра-двойняшка Хехейны.

– Как себя чувствуешь? Помнится, меня вывернуло после первого пробоа. А ты молодец, просто вырубилась. Правда, Риду пришлось нести тебя сюда на руках, – Хаакана хитро улыбнулась.

Я приятно удивилась, но при этом постаралась не растерять лицо.

– Как будто бы просто выспалась, – пожалла плечами я.

– Тебе повезло, что ты это сделала вместе с Ридом. Мой учитель не был так добр ко мне, и поэтому после первого пробоа я оказалась вся в синяках и с опаленными волосами, – Хаакана подергала себя за синие пряди, видневшиеся между гладкими черными волосами. – Но ничего, как миленькие, отросли снова. Кстати, вот, я нормальную одежду тебе принесла.

Я взяла из ее рук объемную стопку и улыбнулась. Учтывая, что Хаакану я увидела не рядом с Эриданом, к ней у меня ревности не возникало.

– Ну, ты тут помойся, через часик к тебе заглянет Рид и сам все, что нужно расскажет и объяснит.

Я не успела ничего ответить Хаакане, она вышла и закрыла дверь. Я положила одежду на край кровати. На удивление, это был обычный свитшот, градиентно окрашенный от синего к фиолетовому оттенку, на котором был изображен черный силуэт дерева на фоне ночного звездного неба. Кроме свитшота, в стопке оказались комфортные синие джинсовые джоггеры на резинке, темно-синее бесшовное белье с кружевом, синяя облегающая футболка, черные кроссовки, со светоотражающей блестящей линией по краю и такими же шнурками, и даже браслет. Визуально, он был выполнен из гальванизированного пирита или гематита, и напоминал титан, висмут или «ведьмину метелку». Он мне сразу очень понравился. В стопке оказалась и сумочка из такого же светоотражающего материала, как на кроссовках. Когда на нее падал свет, она красиво окрашивалась в синий, фиолетовый и зеленый оттенки. Все было подобрано со вкусом и точно будто бы на меня. Я была в восторге.

Когда я разобрала одежду, дальше начались вопросы. Шторой можно было закрыть либо окно, либо ванну. То есть, нельзя было закрыть и то и другое. Немного помучившись выбором, я закрыла окно. В конце концов, если кто-то зайдет, пока я буду мыться, я буду скрыта пеной, почти как в разных голливудских фильмах. А если это окажется Рид... После того, как Хаакана таким образом сократила имя Эридана, я сделала это случайно, на автомате. И мне понравилось. Я ещё немного мысленно погоняла это сокращение у себя в голове, включая воду. Вокруг ванны я не заметила никаких пузырьков или принадлежностей для мытья. Даже поло-

тенца. Вероятно, драконы сушат себя своим жаром. Но я так не умею. Я не сразу поняла, что из крана потекла не обычная вода, а синяя, вкусно пахнущая и мерцающая, словно мельчайшие частички эфиопских опалов. Я коснулась этой жидкости одним пальцем. На секунду на нем осталось блестящее пятно, а затем растаяло, словно мыльная пена.

Жаль, что окно пришлось зашторить – снаружи открывался такой вид на гору, что я могла бы часами валяться в ванне и смотреть. Но сейчас я не рискну. Если Эридан принёс меня в общину драконов, то наверняка все здесь могут принимать драконий облик, как он. Что им стоит парить возле моего окна и глазеть?

Я взялась за низ платья и сняла его через голову, сложив на каменном островке возле ванны. Вскоре туда же отправилось и мое нижнее белье.

Наконец, я села на кромку каменной ванны и засунула туда сначала одну ногу, наблюдая, как ее обволакивает блестящая вода, а потом и другую. Когда я полностью окунулась внутрь, то поняла, что действительно могла бы так просидеть не просто часы, а весь день. Я не удержалась, и чуть приоткрыла шторы. Мне хотелось увидеть и почувствовать столь яркий контраст: за окном на склонах горы лежал снег. Я столько раз видела в разных фильмах телепортацию, что не смогла даже толком удивиться, когда это произошло со мной. «Пробой» – так они это называют. А я ведь, получается, после этого пробоя проспала всю ночь. Значит, сейчас утро субботы.

Резерфорд дал мне понять, что он, как и Орден в целом, настроены резко против общины драконов. Поэтому у меня сложилось мнение, что Эридан – скорее положительное исключение из них. Наверное, мне не нужно слишком расслабляться. Ведь, возможно, он летел за мной не просто так. Я не настолько наивна, чтобы поверить в это. Из разговора с Резерфордом получается, что общине драконов было бы выгодно, если бы я получила Песнь и открыла бы Врата. Раз они считают, что имеют на меня какое-то право. Вот только – какое? Может быть, все дело в том, что Эридан спас меня от Пожирателя?

Подумав о том, что времени до того, как «Рид сам все расскажет» осталось немного, я быстро помыла голову блестящей водой, которая, кстати, изумительно пенилась, и вылезла из ванны. Как только я ступила на теплый каменный пьедестал, продолжающий ванну, я почувствовала теплый ветер. Значит, сушатся они все же не драконьим огнём. Я ухмыльнулась.

Одежда оказалась уютной, мягкой и комфортной. А ещё привычной, насколько это вообще возможно было здесь. Застегнуть браслет из пирита же у меня никак не получалось, как я не старалась. Я держала застежку правой рукой, безуспешно пытаюсь закрепить ее на одном из крохотных серебряных колец. Когда я уже готова была вцепиться в него зубами от своей неуклюжести, дверь распахнулась. Эридан вошел внутрь комнаты, и остановился, разглядывая меня. Затем его взгляд зацепился за штору, которую я забыла раскрыть обратно, и по его лицу расплылась улыбка. Он закрыл за собой дверь комнаты, и хотел было подойти к окну, чтобы убрать штору, но почему-то передумал и оказался прямо возле меня. Я почувствовала словно вспышку горячего пара, но меня не обожгло. Эридан взял мою левую руку и слегка приподнял. Я поняла, что он хочет помочь мне застегнуть браслет.

– Наверное, лучше все же мне самой, – съерничала я.

– Это всего лишь браслет, – мягко сказал он, и я все же дала ему его застегнуть.

Потом он не удержался, подошел к окну и убрал штору.

– Тебе не стоит никого здесь опасаться. Никто из обитатели Эфира не причинит тебе вреда. Никто не нарушит твое пространство, пока ты сама того не захочешь.

Я кивнула. Надеюсь, он не думает, что я поверю ему на слово? Обитель Эфира... Что это вообще такое?

Дверь снова отворилась, и внутрь вошла Хехейна с подносом, полным еды. Я опять ощутила приступ ревности, и решила про себя, что к этой еде я ни за что не притронусь. Оставив поднос на кровати, она опять махнула Риду и вышла, закрыв дверь.

– Как ты понимаешь, ты сейчас находишься в общине драконов.

Я опять кивнула.

– У горы Маклафлин? Я не думала, что община располагается столь близко, что гору можно увидеть из окна.

– Не у горы, а в горе. Дома общины высечены прямо в горе, на ней, внутри нее и под ней.

Я моргнула.

– Никто в Орегоне не знает, что в горе Маклафлин живет целая община.

– Почти никто в Орегоне не знает, что в горе Маклафлин существует целый город драконов, – поправил меня Эридан. – Поверь, издалека Маклафлин не привлекает излишнего внимания: все это выглядит как обычный горный пейзаж.

– А вода? Почему вода здесь такая?

– У нас продуманная водопроводная система. Для ванн вода поступает сразу со специальными моющими и антибактериальными средствами, подходящими для драконов.

Эридан, увидев, что я стараюсь игнорировать еду, не смущаясь сел на край кровати, взял с тарелки крупную черную виноградину, прожевал, внимательно смотря на меня, и облизал губы, на которые попал насыщенного малинового цвета виноградный сок. Затем он постучал рукой по кровати с другой стороны от подноса. Ладно, если я попробую немного здешней еды, наверное, со мной ничего не произойдет. Мое будущее писательское нутро тут же изобразило в мыслях драматическую картину о том, как я беру в рот виноградину и падаю замертво, а Эридан делает мне искусственное дыхание. Рид улыбнулся. Черт, он что, и правда читает мои мысли?

Я немного нервно села туда, куда он показал, и отломил одну виноградину от той же ветки, с которой взял ее он.

– А со мной ничего не будет? Я ведь человек, и вымылась этой вашей блестящей водой для драконов.

Я засунула в рот виноградину. Эридан внимательно смотрел за каждым моим движением.

– Нет, ничего плохого точно не будет. Мыться, знаешь ли, полезно, даже драконам, – лукаво улыбнулся он.

Я разжевала виноградину. Она оказалась сочной и приторно сладкой. Эридан налил себе и мне в синие стеклянные чашки, в которых уже лежало по дольке лимона, мятный чай.

– А чем я буду здесь заниматься целую неделю?

Эридан вновь улыбнулся.

– Примерно тем же, чем занималась бы в Ордене с... Леонардом.

– Но вы же не передадите мне Песнь. Я вообще не понимаю, почему вы не подождали, пока Орден не научит меня всему, пока я не пройду Ритуал... Ведь вам выгоднее было бы получить меня, уже знающую Песнь. Чтобы я открыла Врата. Разве не так?

Я абсолютно точно не собиралась сразу же приставать к нему со своими вопросами, боясь, что он ни на что не ответит, но не удержалась.

Эридан сделал глоток из своей чашки. Я опять последовала его примеру.

– Ты уже совершеннолетняя. Если ты сейчас не начнешь развивать все аспекты своей силы, она вновь уснет. Орден будет обучать тебя лишь использованию тех способностей и той магии, которые ты получила как Хранительница. Использованию Света. Мы же должны научить тебя пользоваться силами, которые всего день назад чуть не сожгли тебя саму.

– То есть, во мне есть сразу несколько видов магии? – Я нахмурилась, не понимая, плохо это или хорошо, и как это связано с общиной драконов. Или все, где есть слово «сожгла» автоматически попадает под юрисдикцию драконов?

Лицо Эридана вдруг стало необычайно серьезным.

– Лаванда, ты ведь знаешь, какая фамилия была у твоей бабушки по линии матери – Марисы?

Боги, опять эта тема. А я только надеялась, что сбежала от нее.

– Райнхардт. Я знаю, что Мариса не стала менять фамилию. Но при чем тут мои способности?

– Женщины-драконы могут брать только фамилию их истинной пары. Если женщина-дракон выбирает себе в пару человека, то наш закон запрещает им менять свою фамилию на человеческую и обязывает оставить себе фамилию рода. Если же от такой связи родится ребенок-дракон, то мать должна передать фамилию рода ребенку. Теперь, наверняка, у тебя, наконец, созрел нужный вопрос.

Действительно, я наконец-то позволила себе сложить два плюс два. Эта догадка давно зрела во мне, но я не давала ей прорваться наружу.

– Мариса не сменила фамилию Райнхардт на Резерфорд, потому что была драконом? – начала я размышлять вслух.

Внутри меня будто бы что-то зашекетало. Я чувствовала, что собираюсь перейти опасную черту, и дороги назад уже не будет. Я глотнула ещё мятного чая с лимоном для смелости.

Эридан кивнул, а потом откинулся на кровать и скрестил руки.

Кажется, своей несмелостью и недогадливостью я испытывала его терпение.

– Мариса дала фамилию Райнхардт моей матери, Элизабет, – медленно процедила я, сцепив зубы.

– И снова верно, – услышала я комментарий от Эридана.

– Но моя мать взяла фамилию моего отца, и дала ее мне. Элизабет Джульетта Вуд, я сама видела это в своем свидетельстве о рождении.

Эридан рывком сел, и придвинул ко мне синюю папку, которую я раньше попросту не замечала.

– Это свидетельство ты видела, Лаванда Оливия Райнхардт?

Я не стала открывать папку, уже и так понимая, что в ней увижу.

– Теперь ты готова к встрече со старейшиной, – почти торжественно произнес Эридан.

По моей коже побежали мурашки. Он встал и подставил мне локоть.

– Обитель старейшины находится на самой вершине. Думаю, тебе будет интересно взглянуть на наш небольшой общинный городок, – усмехнулся Рид.

Я взяла его за руку и кивнула. Мне было не просто любопытно, мне было очень любопытно.

Как только я вышла за дверь, то поняла, что я находилась лишь в одной из комнат.

– Ты пока живешь в гостевой комнате. Здесь их три, – пояснил Эридан.

– Эти три цвета, в которых здесь все украшено, мои любимые, – призналась я. – Синий, зеленый, фиолетовый. А почему в гостевой комнате не так?

– Гостевые комнаты – нейтральны, ведь в них могут останавливаться разные гости, – начал Рид.

– Ты находишься в обители Херувима Эфира. Синий, зеленый, фиолетовый – его цвета, – вдруг пояснила мне непонятно откуда взявшаяся Хаакана.

– А-а-а, понятно, – протянула я. Интересно, кто Херувим Эфира? – А Херувим – это вообще что значит? – Я невинно захлопала глазами.

– У общины драконов есть старейшина. Он главный над всеми нами. Старейшине подчиняются Херувимы – Главы Стихий. К примеру, моя сестра – Херувим Воздуха.

О, отлично! Так значит Хехейна – ещё и очень важная в этой общине. Куда уж мне до нее.

– Эридан, – сказала Хаакана, но дракон жестом прервал ее на полуслове.

– А почему я нахожусь именно в гостевой комнате обители Херувима Эфира?

– Потом об этом поговорим, – резко оборвал нас Эридан. – Ты идешь? Уверен, тебе не терпится осмотреть все вокруг.

Я почувствовала, как он слегка потянул меня к выходу. Все-таки удивительно, потолком и стенами здесь служили настоящие скалы.

– Синяя дверь, запомни, – указал Эридан на дверь, которая закрылась за нами. Довольно большое помещение перед дверью разветвлялось на одиннадцать разных ходов. Я вцепилась в руку Рида, боясь потеряться. Он улыбнулся. Кажется, ему было смешно от того, что я так тряслась. Возможно, я никогда не смогу ходить здесь самостоятельно. Как вообще они в этом разбираются?

Мы довольно долго, как мне показалось, шагали по самому левому туннелю. Мы шли, и перед нами сами зажигались шары света. В какой-то момент я совсем струхнула, мне в голову даже пришла мысль о том, что надо было взять мел и ставить здесь черточки. Вдруг орден прав, и драконы думают только о себе? Вдруг Эридан хочет завести меня как можно глубже и... А что и? Я сразу отбросила эту мысль по двум причинам. Во-первых, я вроде как нужна драконам живой, если они хотят получить Песнь, а во-вторых, я не могла вообразить ничего пристойного. Как только я представляла, что мы с Ридом находимся наедине в пустынном тоннеле в горе, меня посещали лишь те мысли, от которых можно познать все оттенки красных щек.

Эридан же вел меня только вперед, стараясь не оглядываться. Вскоре мы, наконец, вышли в огромное пространство.

– Это рынок, – пояснил Рид.

Я смотрела во все глаза. Тут было полным-полно народу. Неужели все они драконы? Неужели у всех у них есть способности?

– А у всех драконов есть способности? – спросила я.

– Нет, – сухо ответил Эридан, и я удивилась.

– А почему? У тебя и Хехейны они точно есть. И вы говорите, что если я дракон, то и у меня есть...

Вдруг Эридан резко затормозил, и я влетела в его широкую спину. Он повернулся ко мне и положил свои руки на мои предплечья.

– Давай расставим все точки над и. Я правда думал, что мы уже это сделали, но, видимо, нет. Нет никакого «если», Лаванда. Ты – дракон. Твоя мать была драконом. Твоя бабушка и ее родители – тоже были драконами.

– Ты не ответил на вопрос, – настырничала я.

– Ответил. Нет, не у всех.

Я скрипнула зубами. Что ж, этот парень тот еще крепкий орешек.

Я внезапно переключилась на разглядывание прилавков. На них было разложено огромное количество разных плодов, названий которых я даже не знала, и никогда раньше не пробовала. Сами лавочки были украшены хвойными ветками и остролистом. Здесь тоже отмечают Рождество?

– Что это? – Я ткнула пальцем во что-то, похожее на крошечный арбуз, который бы поместился у меня на руке.

– Это мелотрия. Она способна расти в самых неблагоприятных условиях. Но по вкусу она тебе не понравится: это почти как огурец. Лучше попробуй-ка вот это, – Эридан ловко разломил пополам фрукт, похожий на зеленую хурму.

Я взяла из его рук половинку и лизнула языком. Глаза Эридана игриво блеснули. Мне показалось, или он не мог отвести взгляд от моих губ?

Ведь я не сумасшедшая, так сходу кусать неизвестно что. Вдруг у меня будет аллергия? Не хотелось бы умереть от анафилактического шока.

– Боги, как вкусно! Это же на вкус как шоколадный пудинг! – удивленно воскликнула я и откусила один, довольно большой кусок.

– Черная сапота, – довольно сказал Рид.

– Что? – не поняла я. Мне показалось, что он говорит на неизвестном мне языке.

– Черная сапота – то, что ты сейчас ешь. Это название этого фрукта.

Эридан вдруг наклонился к моему лицу и провел пальцем по уголку губ. Я вздрогнула.

– Ты вся перемазалась. Нельзя же в таком виде показываться старейшине, – пояснил он и протянул мне синий атласный платок.

Эх, а я то уже поплыла, словно облако из безе... Для меня становилось все очевиднее то, что меня тянуло к этому дракону. Он мне нравился, и, видимо, сильно, раз в его присутствии я вообще не вспоминала об Уильяме. Да что уж там, в его присутствии я ни о ком другом попросту не думала. Он стал моим личным магнитом внимания. Вот я и нафантазировала себе. А я ему, скорее всего, даже не нравилась. Видимо, он меня спас не из каких-то романтических побуждений, а лишь потому, что я была важна для общины из-за Песни... Осознание этого больно ударило по моему сердцу.

Глава 9

– Больше ничего пробовать не дам, к новым фруктам нужно привыкать постепенно, – нравоучительно заметил Эридан. – Но смотреть – смотри. Например, слева – австралийский пальчиковый лайм.

Дракон разломил ещё один плод, внешне напоминающий роллы, и из него, словно из коробочки, поделенной на шесть частей вывалились маленькие красные пузырьки, похожие на икру.

– Акебия, салак, драконий фрукт, – называл мне по очереди неизвестные плоды Эридан. – Кивано, черимойя, хлебное дерево...

Во многих лавках сбоку стояли большие трехлитровые бутылки с чайным грибом – его я узнала, так как уже пробовала. Сейчас он очень популярен в Орегоне, и называется «комбучча».

Когда он понял, что я перестала с непривычки запоминать то, что он говорит, он взял за руку и повел меня дальше. Мы вновь петляли по освещенным тоннелям, пока не вышли к такому же большому пространству, на котором располагался рынок. Пол здесь был украшен мозаикой в виде разных созвездий, и иногда звезды в них сверкали, словно воспламененные искрой. По центру располагался красивейший фонтан из всех, которые я только видела. В нем текла блестящая вода семи разных цветов, которая играла бликами на солнце. Возле фонтана стояла огромная, украшенная серебряными и золотыми игрушками, белая ель. Справа и слева вместо стен были окна, во всю длину помещения. Слева окна были витражными, на них были изображены семь звезд. А справа... Справа просто открывался такой прекрасный вид из окна, что у меня захватывало дух. Там, внизу, было озеро и хвойный лес. Солнце игриво касалось верхушек пихт и елей, а затем нежно отражалось в зеркально-синей водной глади.

– Это главная площадь, – пояснил Рид. – Тут мы отмечаем главные праздники и закрепляем истинные союзы.

Внезапно меня прошибло мыслью, словно молнией: а вдруг у Эридана уже есть истинная пара? Вдруг это Хехейна, она ведь Херувим Воздуха, но, несмотря на это, везде ходит за Ридом. Но меня это не должно волновать. Какая мне вообще разница, есть у него истинная пара или нет? Я ведь не ревную его, правда? Пора мне снять розовые очки и перестать пускаться на него слюни, пока мое сердце не разбилось на множество осколков. Мой парень – Уильям, а не Эридан. Мне нужно выкинуть Рида из головы. Но как выкинуть из головы того, кто с каждым днем занимает все больше и больше времени в моей жизни?

Поняв, что я посерьезнела и задумалась, Эридан вновь повел меня дальше. Туннели стали уходить резко вверх, и мне, без должной подготовки, было тяжело подниматься в том же темпе, какой задавал нам Рид. Но я не собиралась жаловаться в первый же день. Не хочу, чтобы драконы думали, что я слабачка.

Тем временем мы опять вышли к просторному помещению. Словно лестница, по скале в порядке убывания поднимались небольшие бассейны.

– Это Святые источники. Когда рождается дракон – его обязательно окунают в эти бассейны, такова традиция, – объяснил Эридан.

Значит ли это, что я уже была здесь, пусть и совсем крошкой?

Дальше мы шли до самой обители старейшины без остановок. Хорошо хоть новые кроссовки мне не натерли.

– Я заметила, что тут у вас все украшено к Рождеству. Значит, драконы тоже его празднуют?

– Некоторые – да, празднуют, как люди – Рождество. Но большинство драконов отмечают Лосар – драконий Новый год – в первый день лунного месяца в феврале. Дверь обители

старейшины была белой. Перед самой дверью мне стало страшно. Вдруг я не понравлюсь старейшине, и он прогонит меня? Или наоборот, вдруг он мне не понравится?

Эридан открыл дверь и мягко втолкнул меня внутрь. Мужчина индейской внешности с волосами белыми и длинными, как у Резерфорда, сидел за столом в центре не слишком большого помещения. За ним виднелись еще семь дверей – попеременно белого и черного цветов. На нем была надета белая муслиновая туника, а поверх нее на завязках держался тяжелый с виду черный плащ. Увидев нас, старейшина встал.

– Лаванда, рад видеть тебя! Добро пожаловать! Рид, спасибо, что привел ее ко мне. Ты так похожа на мать...

Естественно, он знал мою мать, раз она тоже была драконом. Почему я не подумала об этом заранее?

– Мое имя – Умферельяд. Но можно просто Ум или Умферд, – Умферельяд жестом пригласил нас с Ридом сесть на белые большие подушки, красиво разложенные у огромных панорамных окон.

Пора бы мне уже привыкнуть, видимо, здесь все окна – исключительно такие.

Эридан взял меня за руку и провел к окну. Я села и положила одну ногу на другую.

– Как ты уже понимаешь, Лаванда, ты – дракон. У некоторых драконов есть магическая сила. Ты – одна из таких драконов. Я надеюсь, что наша община станет твоим домом. Поэтому наш долг – подготовить тебя к жизни в ней.

– Минуточку, то есть, вы считаете, что я не только открою для вас Врата Эридана, но и уйду сквозь них с вами? – Я ошарашенно заморгала.

– Это решение зависит только от тебя. Но да, я так думаю. Ты уже думала, чем собираешься заниматься после окончания школы? Каким ты видишь свое будущее?

Я замялась.

– Ну, в марте я собираюсь сдавать экзамены. Я буду поступать в Южный университет Орегона на английский язык, чтобы в будущем стать писателем. По-крайней мере, я так думала до того, как узнала правду о себе.

Умферд удовлетворенно кивнул и на секунду прикрыл глаза.

– Пока ты здесь, Эридан будет учить тебя.

Умферельяд пристально посмотрел на Рида. Мне показалось, или Эридана это не стало такой уж новостью.

– Как я вижу, ты не против, – заключил старейшина, и я кивнула. С чего бы мне быть против? – Значит, Рид, ты можешь выделить ей негостевую спальню.

– А Херувим Эфира не будет против? Вы сами сообщите ему об этом? – поинтересовалась я. Не хотелось бы попасть в щекотливую ситуацию.

Эридан и Умферельяд вместе удивленно посмотрели на меня. Затем Умферд громко рассмеялся. А Эридан отвел взгляд к окну.

– Так я ему только что сам и сообщил, – наконец сказал старейшина. – И не похоже, чтобы он был против.

– Как – сообщили? Драконы умеют читать мысли? Вы передали ему это сообщение мысленно? – не поняла я.

– Некоторые драконы умеют читать мысли. Но в данном случае – Херувим Эфира стоит прямо перед нами и все слышит.

– Эридан – Херувим Эфира?! – удивленно воскликнула я, буквально сверля его взглядом.

Мог бы и сказать. Но тогда, по-крайней мере, все ясно. Хехейна – равная ему по положению. Наверняка, они уже истинная пара. Какие у меня могут быть шансы? Если у него уже есть истинная – то точно никаких.

Старейшина улыбнулся и кивнул.

– Эридан сказал, у тебя появилась метка связи. Не могла бы ты ее мне показать?

Я протянула руку и подняла рукав.

– Что она значит? Жизнь за жизнь? Мне однажды придется отдать жизнь за Эридана, за то, что он спас меня от Пожирателя, да?

– Мы будем надеяться, что свою жизнь ты оставишь себе. Ну а ты, Рид, надеюсь помнишь, что я тебе сказал? Сорок девять недель и ни часом позже, отсчет уже пошел. Иначе ты сам знаешь, что будет.

Эридан опять кивнул, все еще смотря в окно. О чем это они? Мне было неловко спрашивать, и я сделала вид, что тактично пропустила разговор не для моих ушей.

– Лаванда, знай, что мои двери всегда для тебя открыты. По договору с орденом – после этого первичного срока ты будешь неделю проводить у них, и неделю у нас.

– А что потом? Когда я получу Песнь?

– Потом об этом и подумаем. А сейчас – лучше начни заниматься с Эриданом.

Я кивнула, мы попрощались и вышли.

– Как тебе старейшина? – спросил Рид, пока вел меня обратно по туннелям в свою обитель. Я ему еще припомню, что он мне не сказал о том, что является Херувимом!

– Если честно, пока не понятно. Мы не так много пообщались, для того, чтобы составить о нем какое-то мнение.

– Неправда.

Я скрипнула зубами.

– С чего это?

– Насколько я вижу, тебе хватает и пяти минут для этого.

Я решила свернуть с опасной темы, поэтому спросила:

– А старейшина отправится с нами через Врата?

– Нет. Часть драконов останется здесь, и он не может их оставить. Его долг – заботиться о них. Но не волнуйся, он уже назначил приемника для тех, кто пройдет через Врата.

– Какие мои способности будем тренировать первыми? – пытаюсь осмыслить информацию о приемнике, спросила я.

– Для начала ты должна научиться очищать свой разум, чтобы стать недоступной для Пожирателей. Пока твои мысли открыты для них – они с легкостью будут питаться твоей энергией.

Когда мы зашли в его обитель, я заметила, что у окна тоже стоит наряженная в синих, зеленых и фиолетовых оттенках ель. *«Значит и здесь есть приверженцы празднования Рождества»*, – подумала я.

– А сколько драконов живет в твоей обители? На первый взгляд здесь не так много комнат.

– В обители живу я, Саальфетас, Акахир, Вилькар, Эдвоят и Хаакана. Эдвоят – моя сестра, а Саальфетас, Акахир и Вилькар мне как братья. Хаа ты уже знаешь. Остальные дома, подчиненные мне, как Херувиму Эфира находятся ровно под нами ниже на этаж.

– А почему Хаакана живет с тобой? – удивилась я.

– Не со мной, а в моей обители, – поправил Рид, мягко улыбнувшись. Его глаза лукаво блеснули. – Потому что Хаакана – истинная пара Акахира. Женщина-дракон, обретая истинную пару, переходит в подчинение обители ее мужа.

– А остальные? От чего зависит распределение драконов по обителям? Я бы решила, что от способностей, например, все, у кого магия воздуха живут в подчинении Хехейны, но как я поняла, не у всех драконов есть способности.

Я опять стояла слишком близко к Эридану, и мое тело пылало, явно живя отдельной жизнью от моего сознания. Эридан, прищурившись, посмотрел на меня.

– Есть много нюансов. Это тема разговора не на пять минут.

Эридан открыл передо мной вторую дверь справа, позволяя мне спокойно осмотреться.

Эта комната уже была менее аскетичной, чем предыдущая и полностью в цветах обители Эфира. К тому же, здесь было много света и камин. Пасмурная погода за окном в этой комнате уже не ощущалась так ярко. Тут была кровать, окруженная книжными полками, небольшой столик рядом с ней, уютное круглое кресло у окна, комод с круглыми ручками, и хорошо освещенное зеркало над ним. Я переводила взгляд с одного предмета на другой до тех пор, пока не наткнулась на колонки на самой верхней полке книжного стеллажа, окружающего кровать. Я не удержалась и взвизгнула от восторга!

Эридан с любопытством смотрел на мою реакцию. Было видно, что он остался ей доволен, и тогда я спросила:

– А мне можно их использовать? Слушать му-зы-ку? – Последнее слово я произнесла чуть медленнее и тише, чем остальные.

На секунду улыбка на лице Рида погасла и он надел маску серьезности и непроницаемости.

– Никто здесь не смог бы тебе этого запретить. И слушать, и петь! Если и когда захочется.

Я все еще не верила своему счастью. Несмотря на то, что мне уже исполнилось восемнадцать, и на то, что я глотнула свободы тогда, когда пела под дождем в свой день рождения, когда я вновь увидела отца спустя некоторое время рамки частично вернулись на место. Смогу ли я внутренне избавиться от этих ограничений? Или никогда не смогу нормально петь?

В кристально синих глазах Эридана отразился холод, словно он понял, о чем я думаю. Он засунул руки в карманы и уже собирался выйти, но остановился у двери.

– Отдохни пока. А через двадцать минут присоединяйся к нам – мы будем обедать в столовой. Следующая дверь сразу после гостевой комнаты, в которой ты была. Запомнила?

Я кивнула, уже прикидывая, на что потрачу эти двадцать минут.

– Мобильники здесь не работают, – предупредил меня Эридан и вышел.

Глава 10

Колонки оказались небольшим музыкальным центром. Получается, тут не работала не техника, а конкретно – мобильная связь. Видимо, поблизости не было ни одной вышки.

Пришлось подавить соблазн включить центр прямо сейчас, в конце концов – двадцать минут очень мало. Я заскочила в ванную, которая была в отдельной комнатке рядом, чтобы привести себя в порядок. Кажется, от здешнего сухого и нагретого воздуха мои щеки казались немного румянее, чем они есть на самом деле, и мне это понравилось. Синие вены не так сильно проступали сквозь мою кожу, словно она стала толще и плотнее.

Выйдя из ванной, я открыла средний ящик комода. К моему удивлению, там уже лежала одежда. Синий свитшот, фиолетовые леггинсы, три фиолетовые юбки разного покроя и пышности, голубые митинки... Увидев их я буквально застыла – на них были вышиты синие космические орхидеи – мои любимые. Но, наверное, я зря удивляюсь: синие орхидеи просто синие, это один из цветов Эридана, а это значит, что на их месте мог оказаться любой другой синий цветок. Это случайность. Никто не подбирал из специально для меня. Так ведь? В другом ящике обнаружился пушистый голубой свитер и легкое полупрозрачное голубое платье из вискозы, а также две трикотажные фиолетовые кофты и такого же цвета блуза.

Я решила пока не переодеваться – мне пришлось по душе худи, которое с утра принесла Хаакана.

Я думала, что мой рюкзак остался в Венете, ведь в порыве чувств я не подумала о том, чтобы забрать его, но я оказалась права. Открыв синий пуфик, я удивилась, обнаружив его там. Быстро раскрыв молнию, я проверила внутренний карман: фотография, которую дал мне Резерфорд, была на месте. Интересно, кто забрал сюда рюкзак? Неужели Эридан возвращался за ним? Я закрыла молнию, решив, что стоит оставить его здесь. Очевидно, никто не собирался рыться в моих вещах. Тут он будет в безопасности. И главное сокровище в нем – фото моей матери – тоже.

Я аккуратно закрыла дверь комнаты и вышла в гостиную. В ней тоже было довольно светло. Она освещалась не только магическими шарами, такими, как в тоннелях, но и обычными торшерами, бра, гирляндой на елке и небольшим светящимся фонтаном в противоположной от окна стороне комнаты. Я позволила себе чуть-чуть полюбоваться игрушками на елке. Здесь не было привычного Щелкунчика, зато был кот с рогом и крыльями как у демона, птеродактиль, всадник на волке, бабочка, яблоко, лягушка, рука с семью пальцами, улитка, много красивых переливающихся сосуллек и, к моему удивлению, спиралей.

Из столовой до меня донесся смех Хааканы, и я поспешила туда. За круглым столом сидели всего три дракона. Эридан, увидев меня, встал и отодвинул стул рядом с собой, приглашая сесть. Всех, за исключением крепкого мускулистого черноволосого парня с черными глазами, которые отливали зеленым, когда он поворачивал голову к окну, я уже знала.

Когда я села, Эридан представил меня Акахиру.

Я понимала, что в нем нашла Хаакана. Акахир воплощал собой мрачное очарование закаленного драконьего сердца. Уильям рядом с ним казался лишь соседским парнем. Акахир же был знойным идеалом мужества, загадочности, энергии и дикой мощи. Возможно, именно такой парень готов сражаться за то, что считает правильным.

Но меня все же больше притягивал Эридан. Я улыбнулась, взглянув на него, а потом постелила на колени синюю ажурную салфетку.

Столовая была декорирована в зелено-синих цветах. Стены были выкрашены в зеленый, на столе лежала зеленая скатерть, на которой были изображены синие волны. Справа от стола располагались панорамные окна, из которых открывался прекрасный вид на зимний лес и заснеженные горы.

Я уже поняла, что все здесь слишком отличается от того, к чему я привыкла, но блюда на столе окончательно меня шокировали. Я вопросительно посмотрела на Эридана.

– Это все съедобно. Смотри, там – белая икра. Она, правда, не рыбная, но тоже вкусная. Рядом – жареный папоротник, фаршированные сосиски, лаваш-бургер, сэндвичи с лазаньей, вареное яйцо, жареное в яйце, бутерброды с авокадо и стрипсами, желтохвост с горными овощами и луковицами лилий. А вот тут варенье из сосновых шишек, мороженое с шоколадными шариками для завтрака, кристаллы ветра. Их можно сравнить с тонко нарезанными вертикально протеиновыми батончиками. Вкусные палочки.

– Это напоминает сумасшедшую картинку, сгенерированную нейросетью! – нервно засмеялась я.

– Некоторые блюда вполне привычные, просто приготовлены немного в другой форме. Ты должна попробовать! – Эридан, что, уговаривает меня поесть?

Я положила себе лаваш-бургер и папоротник. Пусть будет пятьдесят на пятьдесят. Одно известное и одно странное.

Эридан довольно улыбнулся. Все это время Акахир напряженно за мной наблюдал. Наверное, со своим незнанием драконьей жизни и культуры я виделась ему дикаркой. Хотя, по факту, наверное именно ей я и была.

– Как там, в ордене? – наконец решил он задать вопрос и тут же получил тычок в ребро от Хааканы. Она на него зашипела.

Я пожала плечами.

– Как только я туда приехала, почти сразу Эридан забрал меня сюда, – пояснила я. – Я не успела толком осмотреться. Но не так необычно, как у вас. На первый взгляд, просто дом и все.

Акахир кивнул и насадил сосиску на вилку.

– Хочешь, как у тебя будет свободная минутка, прогуляемся вместе по рынку? Чем ближе к Лосару, тем больше интересных штукovin туда привозят! – с детским восторгом поведала мне Хаакана и посмотрела на меня щенячьими глазками. – Эдвоят непременно захочет с нами.

Надеюсь, Хехейна не убьет меня за то, что я вожусь с ее сестрой.

– Конечно, хочу! – согласилась я и Хаакана радостно хлопнула в ладоши.

– Она – недостающее звено нашей компании! Я уверена, теперь будет весело! – подначила Хаакана Акахира.

Мне показалось, что его вены под кожей налились кровью, а возле шеи проявилась пара блестящих чешуек: зеленых и темно-красных.

– Иногда мне кажется, что однажды ты сожжешь нас своей активностью, – остро заметил Акахир, но Хаакана, видимо, восприняла эти слова как минимум за комплимент и покраснела.

Интересно, как долго они уже вместе? Надо будет расспросить Хаакану наедине про драконьи пары. Ведь теперь, когда-то, пара будет и у меня? Я взглянула на Эридана и мое сердце сжалось. Жаль, что у него, скорее всего, уже есть Хехейна. Втайне я бы хотела, чтобы моей парой стал он. Видимо, думая об этом я перенервничала и вибрация в татуировке вновь стала нестерпимо сильной. Я обхватила запястье правой руки и потерла. Эридан буквально сверлил меня взглядом. Я виновато улыбнулась, и положила себе немного кристаллов ветра, а также налила жасминовый улун в чашку. Эридан придвинул ко мне эльфийский мед. Как можно быть таким учтивым, вежливым, заботливым? Я засмущалась, но положила одну ложечку меда в чай.

– Получается, я могу здесь ходить где хочу? И с кем хочу? А что насчет других обитателей и домов, подчиненных им? – решила я узнать заранее.

– Конечно можешь. Ты же не пленница. Ты – часть общины. Часть нашей семьи, – ответил Эридан.

И мне стало так тепло от этих слов, что я вновь улыбнулась. Слова Резерфорда неожиданно всплыли в моей голове:

«Держись подальше от драконов».

Я вздохнула. Его жена была драконом. Его дочь была драконом. Его внучка – тоже дракон! Как он мог советовать мне такое?

– Но после обеда мы начнем занятия, – строго заметил Эридан и у меня побежали мурашки по коже.

Конечно же, я немного волновалась. Хаакана, заметив это, попыталась подбодрить меня.

– Я думаю, из Эридана вряд ли получится строгий учитель, – погладила она меня по руке.

– Я надеюсь, что из Эридана получится строгий учитель. Так она быстрее всему научится, – парировал Акахир. – Она ничем не отличается от нас. Ей не нужна жалость и поблажки.

– Вообще-то, она наполовину человек! – Хаакана шлепнула рукой по ложке Акахира так, что та подскочила и со звоном брякнулась на тарелку.

– Человек, а не котик, не панда или капибара! Ей не нужна порция умиления, ей нужно научиться выживать и перестать быть кормом для Пожирателей.

Эридан строго посмотрел на Хаакану и Акахира.

Я решила сменить тему, чтобы немного разрядить обстановку.

– А этот небольшой общинный городок в горе имеет какое-то свое название? Или он так и называется – Маклафлин?

– Фаруэн. На древнем языке это означает «смелость», – пояснил Акахир.

– Есть легенда о том, как наши предки выбрали это место. Хочешь расскажу? Тринадцать тысяч лет назад, когда по всему Орегону росли секвойи, а сам Орегон – так ещё не назывался, в этот мир пришли драконы, – рассказывала Хаакана, не дождавшись моего согласия.—

Они были в разы сильнее, чем мы, и умели в разы больше. Их сила магии превосходила все наши самые смелые ожидания. Они искали место, которое могло бы стать им новым домом. А у драконов, как и у людей, положено в новый дом первым пускать кота. Драконы высадились на побережье, и, не меняя своего облика на человеческий, кружили над отдельными горами и горными массивами, выбирая подходящий. Наконец, один из них, увидел огромного рыжего шарохвоста¹, который бродил в хвойном лесу у подножия горы Маклафлин. И этот дракон, решив, что это – добрый знак, позвал остальных. Тогда-то на драконов первый раз и напали Пожиратели. Но драконы отразили их атаку, научились защищаться и выжили. Так был основан Фаруэн. Триста сорок три дня и ночи ушло на то, чтобы создать все обители, подчиненные им дома и другие помещения.

– Я думаю на сегодня достаточно, – мягко оборвал ее Эридан. – Я хочу, чтобы в голове Лаванды осталось хоть немного места на сегодняшние занятия.

Можно подумать, у меня настолько крохотный мозг, что он взорвется от такого количества впечатлений. Черт! На самом деле я была близка к этому. Начиная с моего дня рождения, я только и делала, что пыталась хоть как-то разложить в голове новую информацию и понять, как лично я ко всему этому отношусь.

Эридан встал, положив свою салфетку на стол. Хаакана по-ребячески показала ему язык. Акахир закатил глаза и сложил руки на груди, чуть наклонив ногами стул назад. Меня все это позабавило. С одной стороны, мне хотелось чуть поубавить чувство собственной важности Эридана. Ведь раз он тут главный, как никак, Херувим Эфира, то и мнение о себе у него наверняка до небес. С другой стороны, в груди разливалось тянущее чувство боли, которое говорило мне о том, что я могу оказаться не права. А обидеть Рида я не хотела. Поэтому молча пошла за ним.

¹ Шарохвостый кот – в колониальном фольклоре штатов Пенсильвания и Орегон лесной кот с шаром на хвосте.

Глава 11

Когда мы прошли елки я не выдержала и спросила:

– Куда мы идем?

– В общий зал, – ответил дракон и тут же открыл передо мной следующую дверь. За ней была винтовая лестница вниз. Мы спустились не меньше, чем на три пролета. Под аркой оказалось просторное помещение, напоминающее актовый зал. Деревянные лавочки были волнообразными и поднимались почти к самому потолку. Почти по центру был расположен подвесной камин. Но больше всего меня поразило то, что декорациями служил естественный фон: панорамные окна были здесь еще больше, чем в остальных комнатах, и из них, совсем близко можно было увидеть озеро у подножия горы Маклафлин. Я подошла вплотную к стеклу, завороженная таким зрелищем. В камине приятно потрескивал огонь. В моей голове начала складываться история. Я должна ее написать! Внезапно по татуировке разлилось мягкое покалывание. Странно, но покалывание перешло и на шею. Я сглотнула, представляя, что там, стоящий у стены Эридан наблюдает за мной.

– Невероятная красота.

Ещё бы чуть-чуть и я бы окончательно впечаталась лбом в стекло. Эридан стоял прямо у меня за спиной, почти касаясь ее. Он вовремя успел притянуть меня к себе рукой за талию. А я медлила, пытаюсь побыть чуть дольше в его объятиях. Но потом все же пришла в себя.

– Ты меня напугал! – я постаралась стереть улыбку с лица, придав ему серьезности.

Перед тем, как я выбралась из объятий Рида, он слегка провел пальцем по тыльной стороне моей правой ладони. Почти незаметно, но этого хватило, чтобы все мое тело покрылось мурашками.

– Пожиратели не предупреждают о своем появлении, – строго заметил он.

– Ты, благо, не эта жуткая тень, – ответила я, поморщившись.

– Спасибо, – широко улыбнулся Рид. – Действительно, благо. Но это не значит, что тебе не нужно тренировать реакцию. Однако, начнём мы с простого. Пожирателей привлекает несколько вещей, и все эти вещи являются для них пищей: Свет, вдохновение и вспышки вни-мания. То самое состояние, когда мы мыслим особенно четко и ясно, вдруг начинаем понимать, что к чему. Может быть, ты замечала, что часто, когда ты на самом пике вдохновения, вмешивается какая-то сила и портит все? Эта сила и есть Пожиратель. Они не только ждут таких ситуаций, но и сами их создают. Они питаются той энергией, которая образуется от этих трех вещей. Обычно Свет спеллсингеров неинтересен Пожирателям, потому что их защищает Песнь. Но ты еще ее не получила, поэтому твой Свет сразу же привлек внимание.

Эридан пошел к деревянным скамейкам, позвав меня за собой. Я впитывала слова, вылетающие из его уст, как давно высохшая губка, требующая, чтобы ее намочили. Даже несмотря на то, что эти слова не были чем-то романтическим.

– Однако, как ты видишь по нам, защититься от Пожирателей можно не только Песней. Можно сделать свою энергию невкусной для них. Для этого нужно, чтобы твои мысли были чисты, – Эридан сделал акцент на последнем слове, и я покраснела. Увидев это, он лукаво улыбнулся.

– Когда я говорю чисты, я имею ввиду не то, что ты наверняка сейчас подумала. Быть чистым и невкусным для Пожирателей значит уметь очищать свой разум от любых мыслей. Он должен быть кристально чист от любых мыслей, и ты должна уметь удерживать это состояние долгое время.

И это он сказал человеку, который никогда не прекращает болтать внутри себя. Да скорее Марс начнёт вращаться вокруг Земли, чем в моей голове не будет мыслей.

– Дракону, – поправил меня Эридан, и я благодарно кивнула. Стоп, что?

«Значит ты действительно умеешь читать мысли?».

«Я – Херувим Эфира. Это одна из моих способностей», – услышала я голос Рида, но его губы не двигались.

«А другие так могут?».

«Некоторые, да».

– Кроме того, умение очищать разум крайне важно для того, чтобы защищать свои мысли от других драконов, которые так могут, – добавил он.

– Ну, супер, – пробурчала я.

Получается, он слышал все, прям все-все, что я думала? Ой, я и сейчас думаю.

– Не все, – подмигнул мне Эридан. Однако оптимизма это мне не добавило.

– Тебе что, больше нечем заняться, как учить меня? Ты – Херувим Эфира. Разве у тебя нет каких-нибудь обязанностей поважнее? – задала я наконец тревожащий меня вопрос. И вообще, пусть убирается из моей головы. Я стала напевать внутри себя какую-то дурацкую песенку, недавно услышанную от Эммы, боясь, что на меня опять обрушится ураган моих чувств и я не смогу его сдержать.

– Отлично! – похвалил меня он. – Вот видишь, мы ещё не приступили к упражнениям, а ты уже придумала одну из техник самостоятельно. Только в отличие от Света, пение здесь не слишком эффективно. Действует недолго, и настоящей тишины с ним не достигнешь. Этой технике у нас учатся еще до семи лет.

Я фыркнула. Эридан проигнорировал мой вопрос про обязанности.

– Я не просто так выбрал это место для первого урока. Ты должна четко представить озеро. Например, это озеро. Когда видишь что-то в реальности, легче представлять. Озеро спокойное и гладкое. Но только пока у тебя в голове нет мыслей. Каждая мысль – это волна. Даже одна мысль распространяет рябь по всему озеру. Чем дальше мысль находится в голове – тем больше волн. Озеро начинает шуметь. Шум волн – это опасность. Это сигнал, что ты не защищена. Смотри на озеро. И жди. Жди до тех пор, пока волны не стихнут, и в идеально ровной глади озера не начнёт отражаться небо...

– Так поэтому старейшина назначил тебя моим учителем? – догадалась я, – А не только потому, что ты меня спас! Ты сможешь в буквальном смысле видеть, как я выполняю эти твои упражнения.

– Может быть, – тихо произнес Рид и посмотрел куда-то вдаль, на воду. – Попробуй. Тебе нужно упражняться.

А потом оставил меня в зале одну. Наверное, на сегодня был достигнут предел его терпения для моего острого языка.

Я села в центре зала, лицом к окнам в позу лотоса и некоторое время просто смотрела на замерзшее озеро, представляя эти самые волны, чтобы немного успокоиться. Потом в моих мыслях вновь появился Резерфорд, рюкзак, фотография мамы, домики Венеты, мимо которых мы проезжали. Это бесполезно. Мысли были похожи на рой пчел. Они гудели, выскакивая отовсюду и ниоткуда. Поверхность моего озера словно взбесилась, волн было слишком много. Было похоже, будто кто-то выстрелил по нему супер-пушкой. Над озером дул не ветер, а носился настоящий маньяк в панической атаке. Он не собирался успокаиваться. А я все больше уставала и от этого шума и теряла контроль, разрешая калейдоскопу мыслей захватить меня. Я увидела Лиаму, который, когда ему было семь, смеялся до слез, и от этого подавился жвачкой Лав из, которая еще толком не успела размякнуть; я видела Эридана, упавшего рядом со мной; мертвых птиц; Эмму, качающую головой из-за того, что я не написала ей ни слова; фиалку, которая выпускала один цветок за другим прямо у меня на глазах... В какой-то момент я ощутила злость из-за своей безвольности и щелкнула пальцами, пытаясь просто разом отключить все мысли. Картинка в голове резко изменилась. Озеро стало безмятежным. На некото-

рое время в моих мыслях установилась тишина. Очень короткое время. Кстати, сколько? Пара секунд? Тогда это вообще не в счет.

Я положила перед собой мобильный. Теперь перед упражнением буду замечать время. Для начала попробую продержаться хотя бы минуту.

Со щелчком пальцами начало получаться хоть что-то. Добросовестно отмучившись не меньше часа, я решила, что могу пойти в свою комнату. Перед этим я опять дала волю свободному течению своих мыслей, и, потеряв контроль, чуть не уснула.

Когда я начала подниматься из арки наверх, то увидела, что на ступенях сидит Эридан, и, прислонившись к стене задумчиво смотрит в окно. Он что, просидел здесь весь этот час? Я посмотрела на стену. Панорамные окна здесь были украшены переливающимися дракончиками – ловцами солнца, которые отражались на противоположной стене, прямо над Эриданом красивыми радужными бликами. Забыв, что он может читать мои мысли, я подумала, каким красивым мог бы быть здесь наш поцелуй.

Эридан коротко усмехнулся и провел по волосам. Вероятность того, что он до сих пор никак не прокомментировал все эти мои мысли, означала лишь одно – у него и правда уже есть истинная пара.

Через три дня упражнение с озером сменилось новым. Я должна была оставлять неподвижным черный шар в центре синего виртуального пространства. Любая мысль сдвигала шар и он начинал вибрировать. Чтобы успокоить его и сдвинуть к центру мне требовалось все мое самообладание. Однако мне уже не требовалось щелкать пальцами. Теперь как только я лишь начинала представлять этот жест, шар возвращался в исходную позицию и мысли исчезали. Целых две с половиной минуты, а потом я чувствовала, что силы иссякали и мысли вновь прорывались через невидимый заслон. Я пыталась закрашивать их черной краской, завешивать черной тканью, словно закрывая занавес на сцене. Я тратила на это, казалось, все силы и ресурсы. Лишь единожды за три дня меня хватило на то, чтобы включить музыкальный центр и послушать музыку по радио.

Обязанности у Эридана все же были. Не знаю, какие именно, но на три следующих дня он улетел из обители. Я же, до этого все время ощущавшая себя рядом с ним как за каменной стеной, немного растерялась. Было грустно, тоскливо, и упражнения делались не с таким рвением, как раньше. Неужели я так сильно в него втрескалась? В общем-то, все три дня в обители я провела в одиночестве. Никакого Саальфетаса, Вилькара и Эдвоят, как впрочем и Хааканы с Акахиром. Не привыкшая к такой свободе, я не знала, что мне делать. Некоторое время я слушала музыку – переключала радиостанции и пыталась понять, что мне нравится, подпевая то одним, то другим певцам. Обычно после ужина мне все же становилось скучно, и я отправлялась самостоятельно изучать обитель. За ее пределы я выходить пока не рискнула. Оказалось, что неподалеку от фонтана находится библиотека. Наверняка, в ней огромное количество книг по магии, но я пока добралась только до романов – соорудила из них целую башню на ближайшем столе. С голода тоже не умирала, в огромном трехстворчатом холодильнике я обнаружила запас еды явно больше, чем на три дня, что поубавило во мне энтузиазма. Сколько ещё я буду делать эти бессмысленные упражнения? Может быть, Эридан просто хочет держать меня подальше от действительно важных дел, и потому на самом деле не собирается учить ничему стоящему?

Я сидела в уже полюбившемся кресле в библиотеке, нагло закинув ноги на край стола, рядом с выбранными романами. Я взяла бы пуфик для ног, но такой был только у меня в комнате, и сил тащить его сюда у меня точно не наблюдалось. Откусив кусочек сапоты, я чуть не испачкала липкими пальцами страницу. Фрукт упал на ковер под креслом, и я подпрыгнула, увидев, что за всеми моими нелепыми телодвижениями наблюдает Эридан.

Я немного обиделась, что они все так внезапно и надолго кинули меня здесь одну. Но и спрашивать, где они были, боялась. Мы не настолько близки...

– Ты хоть немного упражнялась в наше отсутствие? – почти промурлыкал Эридан. – Твои мысли не успокаиваются ни на секунду.

Я разозлилась на себя. Совершенно забываю о том, что он, в прямом смысле, слышит меня всегда. Я мгновенно представила спокойную гладь озера и сконцентрировалась на дыхании. Эридан не спускал с меня глаз, но я отчетливо понимала, что это лишь потому, что он считает. Считает, сколько у меня уже нет мыслей.

– Нисколько. Твое озеро давно пошло волнами, – покачал головой он.

– Ты ведь... Слышал все мои мысли, и я не понимаю... – выпалила я.

– Не понимаешь чего? – вскинул брови Рид.

– Почему ты не спрашиваешь меня о том, что я думала... Почему я это думала... Даже не знаю, как объяснить. Ты никак не комментируешь мои мысли.

– Потому что это твои мысли. Когда ты действительно захочешь со мной ими поделиться – ты сама мне все расскажешь. А пока – это просто упражнения, а я – твой учитель.

Я-я-ясно, значит мы тут играем в тактичность и профессионализм.

– Не играем. Я предпочитаю не нарушать границы, особенно когда меня об этом не просили, – тут же ответил Эридан.

Хм-м, а ту мысль прокомментировал! Значит, он избегает лишь некоторых моих мыслей?

– И много тебя об этом просили? – поддразнила я его.

Эридан хмыкнул.

– Я пришел, чтобы позвать тебя на ужин.

Я тут же изменилась в лице. Серьезно?

– К сожалению, первичный срок подошел к концу, и после ужина я должен вернуть тебя твоему деду.

Я снова изменилась в лице, на этот раз – не в лучшую сторону. Тогда я будто бы расцвела, а сейчас – окислилась.

– Без ужина обойдусь, – буркнула я, сжав руки в кулаки.

Несмотря на то, что в последние дни я заскучала, мне тут было комфортно. Настолько комфортно, что я успела забыть о том, что совсем скоро мне нужно будет вернуться в орден.

Эридан кивнул, а затем отвел меня в свою комнату, чтобы я переоделась. Но мне не хотелось. Фиолетово-синее худи с силуэтом дерева стало моим любимым, поэтому я запихала плащ со спиралями и черное платье в рюкзак, оставшись в том, что на мне надето.

Когда я вышла из комнаты, в глазах Эридана мелькнуло удивление. Он явно не ожидал, что я останусь в одежде обителю. Я заметила легкий кивок, в котором сам Рид себе отчет, скорее всего, не отдавал. Затем он взял у меня из рук рюкзак, и я опять почувствовала, что теряю сознание. Нас будто бы стерли ластиком. Через какое-то время мы очнулись в той самой темноте, а ещё через пару мгновений – возле нужного дома на Аркейн-авеню в Венете.

Глава 12

Возле меня сразу же оказались Уильям и Леонард, и я поняла, что здесь такой свободы, как в Фаруэне мне не дадут.

– Через семь дней, – сказал Рид то ли им, то ли мне, и исчез.

– Мы не сомневались, что он вернет тебя в целостности и сохранности, – произнес Леонард. – Им нужна Песнь.

Я, смотря на парней, скорчила дурацкую неловкую улыбочку и дала понять, что все, чем буду заниматься сегодня – так это лягу спать. В конце концов, время уже было за девять вечера.

Как и в прошлый раз, в комод я обнаружила ночную сорочку. К сожалению, она была красной, короткой и атласной. А я не любила красный цвет. Надев сорочку, я наконец решилась написать Эмме.

«Тысяча извини. Извини, извини, извини. Отец увез меня и Уильяма в Шервуд к бабушке и дедушке, оплатив частные курсы подготовки к экзаменам. Ты меня знаешь, я бы ни за что не согласилась, поэтому он на неделю отобрал у меня мобильный», – с одной стороны, мне было тошно врать подруге, с другой стороны, я еще была недостаточно готова к ответам на вопросы.

С утра я обнаружила, что Резерфорда в доме нет. Зато Элейн и Леонард о чем-то шепотом переговаривались в гостиной. Когда я вошла, они тут же замолчали.

Элейн махнула мне рукой в знак приветствия
и тут же улыбнулась.

– Мне уже пора, если хочешь сначала позавтракать, то я оставила спагетти с соусом на столе. Не буду говорить тебе не скучай. Представляю, чем вы будете заниматься с Леонардом, – тебе и так будет не до скуки.

Когда Элейн ушла, я поняла, что мы с Леонардом остались наедине. А я не знала, чего ожидать от парня, которого мой дед назначил мне в учителя. Ведь за то время, пока мы знакомы, он мне и пары слов не сказал.

– Присядь, – покровительственно произнес он, и я села в кресло. – Я думаю, от Эдварда ты уже знаешь, что не все члены ордена, то есть, не все Хранители обладают силами.

Я кивнула.

– Нас лишь семеро. Нас называют «спеллсингеры».

Нас? Он имеет в виду, что у него тоже есть Свет?

Видя мое замешательство, Леонард продолжил:

– Обычно нас распределяют по семи разным точкам планеты, каждая из которых находится рядом с одними Вратами Эридана. Но сейчас так получилось, что трое из нас – живут в этом доме.

Трое? Ладно, я снова запуталась. Интересно, он умеет объяснять, не запутывая меня ещё больше?

– Я, твой дедушка Эдвард и ты. Спеллсингеры могут влиять Светом на объекты природы. К сожалению, рукотворные вещи нам не подвластны.

Леонард подошел к подоконнику, взял с него горшок с цветком и поставил на столик передо мной.

– Мы начнём с тренировок голоса. У тебя хорошее меццо-сопрано. Некоторые девушки расстраиваются, когда узнают о том, что они не обладают высоким голосом. Но на самом деле, меццо-сопрано встречается редко, и имеет сочное и бархатистое звучание, – Леонард лукаво посмотрел на меня.

Меццо-сопрано? Из-за того, что отец запрещал мне музыку, я была не сильна во всех этих определениях, совсем не интересовалась ими. В голову мне приходили еще альт и тенор, и, вроде бы, это были мужские голоса.

– Для Песни меццо-сопрано – это жирный плюс. И не только для нее. Меццо-сопрано – это самый сексуальный женский голос.

Хм, мне кажется, или Леонард как-то странно расставляет акценты?

– И это факт, – улыбнулся он мне во все тридцать два зуба.

Я просто сидела и хлопала ресницами, словно живая кукла. Передо мной в горшке стоял шиповник. Шиповник в горшке. Цветущий. Откуда он его взял в декабре?

– Итак, как ты видишь, это шиповник. На него можно воздействовать звуком «А». Звук должен быть достаточно низким. И быть похожим на мантру. Слышала когда-нибудь горловое обертонное пение шаманов?

Может быть и да, но я на всякий случай отрицательно покачала головой.

– Главное во всем этом – обертона. Тебе придется научиться. Женщины поют только определенными стилями, например, хоомей², т.к из-за вибраций органов речевого аппарата могут возникнуть проблемы с гормональным фоном, в отличие от мужчин.

Мне кажется, или я как-то не так себе представляла обучение музыке? Вот я, красивая, стою на сцене в блестящем платье и беру высокие ноты, как настоящая оперная певица.

– Лаванда! Ты меня слушаешь? – внезапно ударил по столу кулаком Леонард.

Черт, уже и помечтать, что ли, нельзя?

Я быстро закивала головой. Леонард вдруг запел. И это не было похоже на то классическое пение, к которому многие привыкли. Это было что-то дикое, народное. Звук «а», исходивший от него, превратился в смесь сразу нескольких нот. Его голос колыхался, словно потревоженная гитарная струна. С непривычки меня это напугало. Зато шиповнику, видимо, нравилось. На нем один за другим появлялись цветы. Совсем как тогда у меня, на фиалке. С одной лишь разницей – я не издавала столь непривычных звуков.

Увидев на моем лице смущение, Леонард тут же предложил мне попробовать повторить. За это я мысленно ругала его разными словами.

– Тебе нужно сконцентрироваться на голосе, а затем направить его на шиповник. Немного расслабь нижнюю челюсть, приоткрой рот и сосредоточь внимание на корне языка. Тебе нужно попытаться найти определенный угол, при котором горло не будет передавлено и звук получается объемный и полный.

Разы, когда я в жизни пела, можно пересчитать по пальцам. Если учесть, что при этом никого не было рядом, ну или я не знала о том, что Эридан все-таки рядом был, то сейчас не может быть и речи о том, чтобы я повторила эти несурзные звуки, да еще и в присутствии Леонарда. Я просто не могу!

Леонард выжидательно смотрел на меня.

– Что наша пташка не поет? Я думал, мне не придется тебя уговаривать.

– Я не могу при тебе, – нехотя созналась я.

Видно было, что Леонард не ожидал такого поворота.

– Эдвард будет недоволен, но раз так, то я позволю тебе какое-то время потренироваться в одиночестве. У меня как раз есть дело на час.

– Спасибо! Большого я и не прошу.

Леонард осмотрел меня с ног до головы и вышел. Да, надо сказать, условия для тренировок у драконов мне нравились куда больше.

Я дождалась, пока он собрался и вышел из дома, а потом попробовала просто напевать, как в прошлый раз. Но ничего не происходило.

² шаманское горловое пение. Используется преимущественно для исполнения песен эзотерического характера – обращений к духам природы и т.д. Горловое пение шаманов включает в себя большое количество подражаний звукам природы и животных. Оно является наиболее простым для изучения, поэтому рекомендуется новичкам и тем, кто учится с нуля.

Ладно, как получится – так получится. Я решила все же попробовать повторить колебания, создаваемые голосом Леонарда. Поначалу звук был откровенно плоский и фальшивый. И когда я уже почти оставила все надежды на то, что у меня получится, то поняла, что голос, наконец, расщепляется так, как нужно. Слабенько, не так, как у Леонарда. Свет тут же хлынул из меня. Видимо, прицеливаться нужно еще поучиться. Он разливался не только на шиповник, но и на все вокруг. Однако, Леонард был прав, с обычными творениями рук человека, такими, как чашка, к примеру, ничего не происходило. Но не с техникой. Экран моего мобильного, который я положила на журнальный столик рядом с шиповником, начал мигать красным, голубым и зеленым попеременно. Затем только красным, а затем погас. Я взяла его в руки. И тут же отпустила обратно, потому что он был слишком горячим. Черт! Немного подождав, я попыталась его включить, но ничего не вышло. Я разозлилась! Леонард мог и бы предупредить меня о том, что Свет так влияет на технику. Вчера Эмма не ответила мне, и я надеялась получить от нее ответ сегодня. А теперь, по всей видимости, мне нужен новый мобильный.

Позади себя я услышала громкие хлопки. Леонард стоял, прислонившись к арке. Как только я обернулась, он выпрямился.

– Если честно, я не надеялся, что у тебя получится с первого раза. Это фантастика!

Леонард поставил на столик еще один цветок с подоконника.

– Теперь уж будь добра, при мне. Это уже не шиповник, а клематис. Он посложнее, и на простое «а» не отзывается. Нужно тянуть три гласные. «И-а-у».

Умом я понимала, что Леонард итак уже все слышал, но это все еще было сложно.

– Может быть, тебе будет проще, если мы узнаем друг друга поближе?

Я вспыхнула как спичка. Почему-то это предложение меня разозлило. Я почувствовала покалывание в татуировке.

– Нет, не думаю.

Леонард пожал плечами и скривил губы, явно разочарованный моим отказом.

– Ты что, клеишь мою девушку, или мне показалось? – услышала я голос Уильяма.

Надо же. Неужели он меня ревнует?

«Или просто защищает от отношений с тем, кто способен на большее, чем просто поцелуй», – не успокаивался мой внутренний голос.

– Я думаю, Эдвард явно не будет против, если его внучка выберет себе в мужья мужчину ее уровня силы.

Моего уровня? Леонард только что приравнял свой уровень к моему? Смешно. Стоп. Что он сказал?

– Боги, почему все только и делают, что стараются выбрать за меня?

Если бы могла бы, осталась бы у драконов. Жаль они не могут сами передать мне Песнь.

Уильям, поняв, что я опять близка к побегу, примирительно выставил руки перед собой.

– Пообедаем? Ты ничего не ела со вчерашнего вечера. Разве драконы не должны съесть целого ягненка? – обезоруживающе улыбнулся он.

На удивление, сейчас это подействовало на меня успокаивающе и я пошла за Уиллом на кухню и закинула спагетти с соусом в микроволновку.

Уильям вытащил спагетти из микроволновки и разложил по тарелкам.

– Ну и как там, у драконов? – спросил он, накручивая спагетти на вилку. Увидев на моем лице шок, он сказал:

– А ты что думала, твой отец навешал мне лапши на уши, оплатил курсы и я сразу согласился поехать за тобой?

Я покраснела. Ровным счетом так я и думала.

– Забавно, – продолжил Уилл. – Мы проводили с тобой столько времени вместе, и мне кажется, я изучил тебя вдоль и поперек. Но ты совсем не знаешь меня, и даже не пытаешься узнать. Все, что тебя интересует – это поцелуй.

Я поперхнулась.

– Мне кажется, наши отношения вообще неправильные. Не в смысле, что я считаю их ошибкой, но все не так, – сказала я как можно мягче.

– Потому что ты считаешь меня поверхностным. Считаешь, что все должно складываться само собой, но так не бывает, Лав, – Уилл поднял мой подбородок, и, заглянув в глаза, вытер пальцем каплю соуса в уголке моего рта. – Отношения строятся как дом. Каждый должен приносить по кирпичику. До поцелуев мы должны доверять друг другу, понимаешь?

Я опять вспыхнула.

– Это не мне твой отец платит за то, чтобы я за тобой следила!

– Боги, Лаванда, я думал мы решили этот вопрос и он давно в прошлом! – Уильям потер виски.

Леонард с грохотом поставил тарелку на стол.

– Влюбленные бранятся, будто тешатся? – съязвил он.

Во мне все сильнее нарастало ощущение неправильности происходящего. Я будто бы мыслями осталась там, в обители, и ничего не могла с этим поделать. Отношения с Уильямом не казались мне настоящими, а дурацкий флирт Леонарда откровенно злил.

– Тебе стоит поторопиться. Твой отец нанял тебе репетитора для подготовки к экзаменам. Она будет с минуты на минуту.

Уильям хмыкнул.

– А мне приходится таскаться на занятия в группе.

Леонард протянул мне листок. Я вопросительно подняла брови.

– Это нужно выучить. Здесь отображены геометрические формы и их соответствия звукам. Так ты будешь понимать, какими гласными на что можно влиять.

– Почему ты меня не предупредил, что Свет портит технику?! Мне нужен новый мобильный.

– Лучше один раз узнать на своем опыте, чем десять раз не научиться на чужом, – спокойно ответил Леонард. – Зайди за картой к Элейне.

Вот придурок! Я улыбнулась, думая о том, что на замену айфону я могу взять только айфон, и как сделаю невинное выражение лица, когда Резерфорд спросит, куда я потратила такую сумму. Он ведь наверняка спросит, да? Хорошо, что они не драконы и не могут читать мысли. Я на всякий случай представила гладкое озеро.

Глава 13

Каждый день после обеда я занималась с Августой. Она знала, что я собираюсь стать писателем, и поэтому мы делали упор на эссе. А после обеда Леонард обучал меня тескао. Я почти угадала с тхэквондо.

– В бою орден использует тибетскую систему тескао, – объяснял мне Леонард.

– Подожди, но я не понимаю, зачем мне это? Вот магия да, ведь у Пожирателей нет тел. Они бесплотны. Это – тень. Драться с тенью...

– У Пожирателей есть тела. Они могут использовать тела людей, в том числе на протяжении долгого времени. И не драться, а защищать себя. Итак, орден выбрал тескао не случайно. Символы тескао – орел и бык. Орел означает быстроту и легкость, бык – силу, крепость и устойчивость. Это два главных столпа любых боевых искусств.

– Может быть, что-то у меня и получится, ведь я хочу научиться защищаться, но на большее не рассчитывай. Ты сам сказал, что мои мышцы как пудинг, – я решила сразу же расставить точки над и, чтобы Леонард не тешил себя пустыми надеждами.

– Занимаешься самосаботажем? Мы будем практиковаться, а там уж посмотрим, что из этого получится, – уверенно парировал он.

Все наши занятия проходили в гостиной. Может быть, в Корваллисе условия для занятий будут поразнообразнее.

– Координационная подготовка, развитие скорости и точности удара, ударные и защитные техники, наработка автоматических двигательных навыков и сохранение здоровья – ты будешь только в плюсе после занятий. Реальность передается только через реальность. Некоторые вещи можно познать только на собственном опыте, – не переставал наставлять меня он.

– Раз Резерфорд сам владеет Светом, почему он поручил тебе заниматься со мной?

Леонард опасно кружил возле меня, и я была похожа на напряженную струну.

– Почему бы тебе самой не задать этот вопрос Эдварду? Скоро он вернется, и у тебя будет эта возможность. Кроме того, он – глава ордена, и, несмотря на то, что ты его внучка, и одна из семи спеллсингеров – у него много важных обязанностей.

Хм, судя по тому, что он не интересовался мной до моего совершеннолетия, не знаю почему я решила, что сейчас ему до меня есть дело. Скорее всего, им движут собственные замыслы. В том числе, в отношении меня.

Леонард немного помолчал, ожидая моей реакции, но когда ее не последовало, продолжил:

– Кроме того, он не считает, что протее твоего отца – тебе не подходит. Уильям – просто человек. Он не сможет обеспечить тебе должного уровня жизни. Ты никогда не сможешь жить как все.

У меня по коже побежали мурашки. Леонард говорил об этом, как о чем-то заранее решенном, при чем без моего участия. На мгновение я почувствовала настоящую вспышку ледяной ярости, но она прошла так же быстро, как и возникла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.